

ИРИНА ГРИН

ЗЫБУЧИЕ
ПЕСКИ СУДЬБЫ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Переплетение чувств

Ирина Грин

Зыбучие пески судьбы

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Зыбучие пески судьбы / И. Грин — «Эксмо»,
2021 — (Переплетение чувств)

ISBN 978-5-04-118397-4

В детективное агентство «Кайрос» обратилась Кира Ермолаева, которую стали преследовать собственные двойники. Беседовавший с ней сыщик Иван Рыбак предложил установить наружное наблюдение, но Кира испугалась больших расходов и убежала. А вскоре в «Кайросе» появился Кирилл муж Глеб и сообщил, что она погибла – поехала в другой город на встречу с давно бросившим семью отцом и там стала жертвой «сумасшедшего таксиста», сбившего сразу нескольких человек. Глеб обвинил «Кайрос» в том, что его жене не помогли, и сотрудники агентства начали собственное расследование, чтобы спасти свою репутацию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118397-4

© Грин И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	37
Глава 6	40
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Грин

Зыбучие пески судьбы

© Грин И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

На город неотвратимо спускалась ночь. Совсем рядом жизнь еще продолжала бурлить – откуда-то доносилась веселая музыка, лаяли собаки, жалобно плакал ребенок. А здесь, возле парка, тишину нарушали лишь шум ветра да стук каблучков – одинокая женская фигурка нетерпеливо мерила шагами тротуар.

Девушка остановилась, достала из сумочки телефон. Загоревшийся дисплей на мгновение выхватил из темноты пышную челку и побледневшее от нетерпения лицо.

– Уже пятнадцать минут, – пробормотала она и, пытаясь хоть немного согреться, обхватила себя за плечи.

Ну как можно быть таким необязательным? Договорились в десять, значит, должен быть в десять. Сейчас приедет и начнет сочинять про дорожные трудности, заставившие его опоздать. Поскорее бы! Интересно, если попросить, довезет он до дома? Ну, пусть не до дома, а хотя бы до метро. Вот было бы здорово! В машине тепло, играет музыка. Интересно, какую музыку он предпочитает слушать в дороге? Девушку бы устроила любая. Можно даже без музыки, лишь бы поскорее. Лишь бы... Темнота, казалось, проникала сквозь кожу. Усиленная неизвестностью, она порождала в душе тревогу.

Шум подъезжающей машины заставил сердце забиться чаще. Свет фар слепил глаза, мешая разглядеть водителя, но девушка была уверена – это именно тот, кого она ждала. Подтверждая ее мысли, водитель слегка притормозил и мигнул фарами.

Девушка помахала рукой и побежала к машине. К теплу, к музыке. А машина двинулась к ней навстречу. Слишком быстро, чтобы девушка могла понять, что происходит. Сильнейший удар подбросил ее в воздух. В глазах полыхнула молния, лавиной обрушилась боль. Через мгновение снова стало темно и боль исчезла. И машина тоже исчезла, и человек за рулем, и холод. Остались лишь звезды, далекие, немигающие и такие яркие, что хотелось закрыть глаза. Но они не хотели закрываться, словно забыли, как это делается. Где-то совсем рядом хлопнула автомобильная дверь, раздались торопливые шаги. Это были последние звуки в ее жизни.

* * *

Тремя неделями ранее.

Кира посмотрела на часы и прибавила шаг. Все-таки надо было поехать на маршрутке – видела же, что опаздывает. Но уж очень по-летнему пригревало майское солнце, и от асфальта, выполосканного ночным дождем, веяло такой свежестью, что ноги сами понесли ее вперед, мимо остановки.

Светофор на Куликовской заморгал желтым глазом, пришлось притормозить. Машин почти не было, но Глеб приучил Киру уважать правила дорожного движения. Он вообще был очень правильным, ее муж. Наверное, даже ночью, на абсолютно пустой дороге, он точно так же, как Кира сейчас, терпеливо ждал бы зеленого света. Она посмотрела на часы – без восьми десять. А впереди еще три светофора – на Кузьминской, на проспекте Победы и... Тут мысль споткнулась о притормозивший рядом автомобиль. Скорее даже не об автомобиль, а об его водителя. Вернее, водительницу. Девушка за рулем черной машины была очень похожа на Киру. Глаза, брови, стрижка... И даже точно такая же бежевая кожаная курточка у Киры имелась – купили с Глебом в Стамбуле. На мгновение Кире показалось, что стекло автомобиля – зеркало, в котором она видит собственное отражение. Но только на мгновение. Девушка

посмотрела на Киру и нетерпеливо махнула рукой. Только тогда Кира поняла, что уже давно горит зеленый.

Всю дорогу до бизнес-центра «Плаза», где находился офис турагентства «Веселый ветер», владелицей и по совместительству директором которого Кира являлась уже почти год, мысли ее вращались вокруг загадочной девушки. С одной стороны, видела она ее всего несколько секунд. Что можно разглядеть за такой маленький промежуток времени? Короткую стрижку с пышной асимметричной челкой? Серые глаза? Ненакрашенные губы? Куртку? Все по отдельности могло принадлежать кому угодно. Но вместе...

Подходя к «Плазе», она уже почти убедила себя в том, что стала жертвой обмана зрения. Солнце, лужи, май – есть от чего сойти с ума. Но тут из карусельной двери офисного центра выскочила девушка и практически протаранила Киру.

– Извините! – пробормотала она.

Кира хотела уверить ее, что все в порядке, но слова застряли где-то на подходе – врезавшейся в нее девушкой была она сама, как ни странно это звучало. Не просто похожая, а именно она сама. В отличие от кожаной курточки девушки из черного автомобиля, на незнакомке из «Плазы» был темно-серый тренч, купленный Кирой на предновогодней распродаже в «Лаванда Сити». А еще ботинки на толстой подошве цвета графита, которые Глеб окрестил сапогами-сороходами.

– Извините, – еще раз растерянно пробормотала девушка, явно озадаченная состоянием Киры, и, не дождавшись ответа, поспешила по своим делам.

Кира сделала шаг назад, наткнулась спиной на дверь, вскрикнула от неожиданности и, с трудом удержав равновесие, ввалилась в холл.

– У вас все в порядке? – поспешил к ней охранник, толстый лысый дядька с пышными усами и длинным темно-синим галстуком.

– Здравствуйте! – Кира кивнула, подтверждая, что да, у нее все в порядке, хотя это абсолютно не соответствовало действительности.

«Я сошла с ума? Неужели это именно так начинается?» – думала она, рассматривая свое лицо в зеркале лифта.

Возле двери с табличкой «Туристическое агентство «Веселый ветер» девушка остановилась в нерешительности. А вдруг там ее ждет еще одна собственная копия? В соседнем офисе затрезвонил телефон, Кира решительно толкнула дверь и с облегчением выдохнула – кроме ее напарницы Наташи Осиповой в комнате никого не было.

– Ты чего такая? – удивилась Наташа.

– Какая? – на ходу расстегивая пальто, спросила Кира.

– Не знаю, – пожалала та плечами. – Настороженная? Напуганная?

– Нет. – Кира покачала головой.

– Что-то не так? Что-то с Глебом?

– Да нет же, все в порядке. Разве что губы не успела накрасить утром.

– Ну разве что губы, – усмехнулась Наташа, и Кира поняла, что обмануть коллегу, а по совместительству лучшую и единственную подругу, ей не удалось. – Тогда, пока не накрасила, предлагаю выпить кофе.

Кира подтвердила, что от кофе не откажется, уселась за стол и открыла ежедневник.

Ежедневник этот ей подарил Глеб, сама она никогда ничем подобным не пользовалась, предпочитала все держать в голове. Вот и на листе с сегодняшней датой никаких записей не было, хотя она точно знала, что сегодня нужно обзвонить клиентов, которые в субботу отправляются в тур выходного дня.

Несмотря на позитивное название, «Веселый ветер» был довольно скучной конторой. Сами они не занимались планированием и организацией пакетных туров, а только продавали чужие предложения, имея от этого свой процент. Кира с детства мечтала о дальних странах,

путешествиях. Но когда она пошла в первый класс, отец уехал в Москву на заработки и с тех пор не подавал признаков жизни. Мама растила ее одна, денег хватало только на самое необходимое, не до поездок. А потом, не выдержав безденежья, мама тяжело заболела. Кира старалась не вспоминать, как туго им тогда пришлось. Когда ей чудом удалось устроиться в престижную туристическую фирму «Эдельвейс», она решила, что теперь с безденежьем покончено. Но действительность оказалась не такой радужной: все заработанные деньги уходили на лечение. А потом Киру уволили из «Эдельвейса», даже не объяснив, почему...

Тогда ей казалось, что жизнь закончилась. Зато теперь у нее есть Глеб. И первая в ее жизни поездка – свадебное путешествие в Стамбул. На целых три дня... Стамбул Киру ошеломил. По рассказам девочек из «Эдельвейса» он представлялся Кире одним огромным базаром, где обязательно нужно торговаться. Согласие с первоначально названной продавцом ценой якобы оскорбляло его, ранило тонкую восточную душу. Не умевшая торговаться Кира заранее настраивалась на худшее. И, как выяснилось, зря. Глеб к поездке подготовился основательно, и сразу по прилете они с Кирой попали в лапы Левента, водителя и гида одновременно. Почему лапы? Да потому что Левент – это лев, так он представился, и его мощные руки, покрытые густой темно-рыжей шерстью, вызывали у Киры благоговейный ужас. Историк по образованию с кандидатской диссертацией по Константинополю, Левент в совершенстве владел русским языком и за три дня успел окончательно влюбить в Стамбул и Киру, и Глеба. Рассказы гида были настолько убедительны, что Кира безоговорочно верила ему.

Даже в совсем уж фантастическую историю, рассказанную им в мечети Айя-София об архитекторе, который с помощью пальца, вставленного в отверстие в обитой медью колонне, развернул христианский храм лицом к Каабе, как и полагается мусульманской мечети, верилось безоговорочно. По словам Левента, если вставить в отверстие большой палец и, не отрывая ладонь от медной поверхности, повернуть ее на 360 градусов, любое, даже самое нереальное желание обязательно исполнится. С тех пор минуло почти шестьсот лет, отверстие для пальца превратилось в большую дыру, вокруг которой миллионы рук отполировали золотой ореол. Но и сегодня колонна пользовалась большим спросом, о чем свидетельствовала огромная очередь страждущих. Кира вдруг поняла, что обязательно должна попытаться доверить колонне свое самое сокровенное желание. А вдруг?..

Она решительно направилась в конец очереди, но Левент, сделав большие глаза, пообещал ей не менее замечательную дыру в Цистерне Базилике – древнем подземном водохранилище Константинополя. Но они смогли попасть туда лишь в последний день пребывания в Стамбуле, и пресыщенная впечатлениями Кира вспомнила о своем желании лишь по дороге в аэропорт. Как же она могла забыть? А что, если, целиком погружившись в жизнь древнего и одновременно молодого города, она упустила возможность помочь... Ну почему она тогда не настояла? Почему потеряла голову, забыла обо всем на свете? Сидя на заднем сиденье автомобиля, мчавшего их с Глебом в аэропорт, Кира с трудом сдерживала слезы.

Конечно же, сидевший рядом Глеб почувствовал ее настроение, но сделал из него свои выводы.

– Ты чего? – спросил он и наклонился, пытаясь заглянуть в глаза жены.

– Нет, все нормально, – попыталась улыбнуться Кира.

– Точно? – усмехнулся Глеб. – Может, ты переживаешь, что мы не купили пахлавы и рахат-лукума?

– Какой же ты у меня проникательный! – улыбнулась Кира. – И халвы. Той, волосатой.

– Пишмание, – тоном знатока поправил ее Глеб.

– Вот-вот!

– Эта проблема решается очень просто – у нас с тобой будет почти два часа на дьюти фри.

Это я виноват – сказал Левенту, что шопингом мы не интересуемся. Наверное, был не прав?

На паспортный контроль толпилась огромная очередь, поэтому на покупки осталось совсем ничего. Пока Кира набирала большой пакет сладостей, Глеб присмотрел ей кожаную курточку. Ту самую... Уже по пути на посадку Кира заметила симпатичные футболки с надписью «Стамбул»

– Давай купим?

Глеб посмотрел на часы.

– А давай!

Двух белых футболок не было, и они взяли белую для Киры и красную для Глеба. Уже дома, разбирая покупки, она обнаружила, что на красной футболке написано «Лондон». На что Глеб резонно завил:

– Лондон так Лондон. Какая разница? Главное, футболка приятная, мягкая. Я бы такую носил не снимая.

На самом деле Глеб надевал футболку крайне редко. В будни в основном ходил в костюмах и белых рубашках. А в выходные... А были ли у них эти выходные?

Воспоминания о Стамбуле, где была приобретена кожаная курточка, повлекли за собой мысли о дне сегодняшнем. Подперев голову ладонями, Кира уставилась в раскрытый ежедневник, мысленно воспроизводя на его пустых страницах две встречи с самой собой. Сомнений нет – это именно то, чего она боялась больше всего. Кира взяла ручку, щелкнула кнопкой, выпуская стержень, и медленно, старательно выводя каждую букву, написала: «Доппельгангер».

– Подруга, ну ты чего? – Наташа встала из-за своего стола, с хрустом потянулась и села рядом на стул для посетителей.

– Сама не знаю, – закрывая ежедневник, призналась Кира. – Наверное, не выспалась.

– Может, закатимся куда-нибудь вечером и шандарахнем?

Эта фраза означала поход в одно из расположенных неподалеку кафе, сопровождаемый распитием спиртных напитков.

– Не знаю, – Кира неопределенно пожала плечами. – Там видно будет.

Рабочий день шел своим чередом. Кира обзванивала участников тура выходного дня, а Наташа работала с потенциальными клиентами. У нее было несколько аккаунтов в соцсетях с красочными фотографиями предлагаемых туров и восторженными отзывами, на сто процентов реальными – предметом особой гордости «Веселого ветра». Ближе к вечеру позвонил Глеб, сказал, что задержится на работе, и одобрил желание девушек «шандарахнуть» – сам он называл это более грубо: напиться в хлам. Хотя на самом деле все было совершенно пристойно – бокал вина вряд ли мог сказаться на самочувствии на следующее утро.

Дома Кира перво-наперво заглянула в шкаф. И кожаная куртка, и тренч – все было на месте. А в прихожей, в галошнице, дремали в ожидании своего часа сапоги-скороходы. «Показалось, – попыталась убедить себя Кира. – Поскорее бы Глеб вернулся с работы». Рядом с ним, большим, добрым, правильным и нежным, все самые тяжелые мысли разлетались, словно парашютики одуванчика на ветру.

Утром, как всегда опаздывая, она вскочила в уже отходящий автобус. Все желающие уже уехали, поэтому свободных мест было предостаточно. На следующей остановке в переднюю дверь вошла девушка – та самая, что выбегала вчера из «Плазы», в тренче, – огляделась по сторонам и села рядом с Кирой. Правой рукой незнакомка взялась за поручень сиденья перед собой, словно желая полюбоваться кольцом, украшающим ее безымянный палец, и сердце Киры ухнуло куда-то вниз, на пол маршрутки, – уж слишком знакомо ей было это кольцо. Довольно массивный золотой ободок с причудливой гравировкой, напоминающей то ли срез дерева, то ли папиллярный узор на кончиках пальцев. Именно такое подарил Кире Глеб, когда предложил выйти за него замуж. Он тогда сказал, что кольцо это принадлежало его бабушке, и

таких больше ни у кого нет. И вот теперь бок о бок с Кирой сидит незнакомка в ее тренче и с ее кольцом на пальце. Кира на всякий случай пощупала свое кольцо – на месте ли? Да, на месте. И что получается? Допустим, похожий тренч вполне можно купить. Но кольцо? Одно из двух: либо она действительно сходит с ума, либо стала жертвой нелепого розыгрыша, в котором так или иначе замешан Глеб. Но Глеб не стал бы так шутить над ней! Если только ему не стало известно...

Ну почему, почему она сразу не рассказала ему обо всем тогда, в кафе? Побоялась, что он развернется и уйдет? Ну, пусть не тогда, а позже, когда он предложил ей стать его женой и подарил это самое кольцо? Ведь могла же она сказать ему... А что, собственно, сказать? Что ей очень нужны деньги и она соглашается выйти за него замуж исключительно из-за них? Это сейчас секунды, минуты, часы, проведенные рядом с Глебом, сплелись в нить, которая так прочно соединила их с Кирой, что она уже не мыслит жизни без него. А тогда... Молодой, симпатичный, умный, с деньгами...

Запутавшись в грустных мыслях, Кира чуть было не проехала свою остановку и опомнилась только благодаря соседке, которая встала и направилась к выходу. Автобус остановился, Кира вскочила, забыв о лежавшей на коленях сумке, и та шлепнулась на пол.

– Подождите, пожалуйста, – взмолилась Кира, увидев, как за незнакомкой с шипением закрываются двери, – это моя остановка!

Водитель, уже собиравшийся тронуться, добродушно пробормотал, что спать надо дома, в своей кровати, а никак не в его автобусе.

Когда сконфуженная Кира выскочила на улицу, незнакомки уже след простыл.

– Вы случайно не видели здесь девушку? – спросила она охранника «Плазы», вбегая в гулко-пустынный холл.

Это был другой охранник, не тот, что вчера, но тоже в длинном синем галстуке. «Форма у них такая, что ли?» – подумала Кира, а мужчина улыбнулся:

– Конечно же, видел! И не одну!

– Да нет же, – досадуя на себя за собственную косноязычность, пустилась в объяснения Кира, – только что не входила сюда девушка? В тренче!

– Френче? – очевидно, секьюрити не ориентировался в предметах современного гардероба. Впрочем, в словаре Киры это слово появилось совсем недавно. До этого она бы назвала подобный предмет верхней одежды плащом.

– Тренче, – терпеливо поправила она охранника и, выпрямив спину, отчего грудь выдвинулась вперед и слегка приподнялась, изобразила руками пояс вокруг талии.

– Такую я бы точно запомнил, – плотоядно ухмыльнулся охранник, но тут лицо его резко приняло подобострастное выражение – очередной поворот двери впустил в холл Геннадия Пермякова, собственника офисного центра. – Здравствуйте, Геннадий Игоревич!

Встретаться с Пермяковым Кире не хотелось, и она рванула к лифту, но вдруг остановилась, пораженная странным совпадением – на мощной шее Пермякова болтался точно такой же галстук, как на охраннике. Да и похожи они были, словно родные братья, – оба толстые, круглые, с сияющими в ярком солнечном свете лысынями.

– Здравствуйте, Кира! – сказал один из мужчин. Кира поняла, что это, скорее всего, Пермяков, так как с охранником она уже вроде здоровалась. Или нет?

В горле неожиданно пересохло, и, не сумев выдавить слова ответного приветствия, Кира понеслась к лифту.

Офис «Веселого ветра» находился на втором этаже, вполне можно и по лестнице подняться. Но уж очень неприглядной была эта самая лестница – темная, душная. К тому же площадки между этажами очень нравились курильщикам, начисто игнорировавшим закон о запрете курения. Не в силах оторвать глаз от пермяковского галстука, Кира не глядя нажала на кнопку своего этажа, но двери лифта не спешили закрываться.

«Они разные, – уговаривала себя Кира. – Пермяков выше ростом, и физиономия у него краснее. Да и галстук! У охранника он простой, а у Пермякова... Да нет же, такой же, абсолютно простой синий галстук».

Выйдя из лифта, Кира привычно свернула налево. Ноги сами несли ее по красной ковровой дорожке к двери «Веселого ветра». Однако, поравнявшись с ней, Кира с удивлением обнаружила абсолютно незнакомую табличку с большими буквами «КИТ» и ниже с буквами поменьше «компьютерно-инженерные технологии». Пару секунд Кира с недоумением разглядывала табличку, а потом сообразила – это же офис компьютерщиков с третьего этажа. Она когда-то просила ребят из «КИТа» настроить роутер. Оказывается, «КИТ» – это вовсе не чудово морское, а аббревиатура, а она, дурында, нажала не на ту кнопку. Здесь, на третьем, даже ковровая дорожка не такая, как у них, на втором. И как только она сразу не заметила?

Обратно к лифту Кира шла медленно, рассматривая таблички на дверях. «Компания «Джем», ООО «Аккуратный дом», «Радуга», «Проджект-Сервис», «Детективное агентство «Иванов»...

Последняя табличка Киру озадачила. Как-то не по-русски звучит: «Детективное агентство «Иванов». Может быть, правильное было бы «Детективное агентство Иванова»? Сама не зная зачем, Кира постучала в дверь с поставившей ее в тупик надписью и нажала на тускло поблескивающую медью ручку.

– Да-да, – раздался мужской голос, и Кира увидела его обладателя.

Увидела и замерла в оцепенении, а затем вскрикнула и понеслась прочь по коридору. Не став ждать лифта, она выбежала на лестницу, промчалась два пролета и через полминуты, сопровождаемая удивленным взглядом Наташи Осиповой, плюхнулась в свое рабочее кресло.

– Кира? – спросила она. – За тобой кто-то гнался?

И что она могла ответить? Что на третьем этаже, за дверью с табличкой «Детективное агентство «Иванов», сидит мужчина – двойник Пермякова? Или охранника? Такой же лысый, толстый и с синим галстуком. Или что она, Кира, сходит с ума? Нет, не сходит. Она отлично знает, что стоит лишь один раз дать волю своим страхам – и ты застрял. Всему можно – и нужно – найти объяснение. Незачем сразу впадать в крайности. В первую очередь надо...

Кира раскрыла ежедневник. Глаза уперлись в сделанную вчера надпись. «Доппельгангер». Ерунда какая-то! У нее просто разыгралась фантазия. Сидит и выискивает в себе несуществующие болезни, прямо как герой Джерома К. Джерома, который, изучая медицинский справочник, обнаружил у себя симптомы всех известных медицине недугов, кроме, разве что, родильной горячки.

– Наташа, – решительно захлопнув ежедневник, Кира встала. – Мне нужно срочно съездить в одно место. Ты сможешь сегодня поработать без меня?

– Конечно, – неуверенно подтвердила Осипова. – Только... Может, объяснишь, в чем дело?

– Обязательно. Завтра утром объясню. Сегодня я и сама толком не могу понять, что происходит.

Стараясь не встречаться взглядом с охранником, Кира выскользнула на улицу и тут же, практически нос к носу, столкнулась со своим безумием – оно в виде девушки в тренче сидело на скамейке напротив входа и с кем-то беззаботно болтало по телефону.

И тут в Киру словно бес вселился.

– Послушайте! – стремительным шагом она подошла к скамейке и плюхнулась рядом с незнакомкой, придавив полу ее тренча.

– Что за?... – зашипела та, пытаясь высвободить одежду.

– Кто вы? Что вам от меня надо?

Девушка попыталась вскочить, но Кира изо всех сил схватила ее за запястье.

– Больно же, дура! – Выдернув руку, та, отбежав на безопасное расстояние, выкрикнула: – Чокнутая! – и бросилась наутек.

– Чокнутая, – повторила Кира, – как есть чокнутая.

Сердце буквально выскакивало из груди, а руки тряслись так, что вызвать такси с помощью мобильного приложения получилось только с третьей попытки.

На ее счастье, водитель такси оказался не лысым и не толстым, а худощавым парнем с густым черным ежиком на голове.

– На автовокзал, – сказала Кира, садясь рядом с ним.

Глава 1

Похороны были немногочисленными – Глеб с матерью, Наташа Осипова, сотрудница «Веселого ветра» и шесть работников похоронного агентства. Все шестеро – как на подбор высокие, спортивного телосложения в идеально чистых черных костюмах, полная противоположность расхожему стереотипу гробокопов.

Наташа за все время не произнесла ни слова, лишь хлопала носом, за что Глеб был ей безмерно благодарен. Молча кинула три горсти земли на полированный гроб, кивнула, благодаря мать за протянутую упаковку влажных салфеток, и взяла сразу несколько – одной тщательно вытерла пальцы, в другую тихонько высморкалась. И так же молча кивнула, прощаясь, когда Глеб положил на холмик свежей земли букет роз.

Мать тоже ничего не говорила, но Глеб все время ощущал на себе ее испытывающий взгляд. «Как ты?» – как будто спрашивала она, и это гипертрофированное материнское сочувствие заставляло его сжимать кулаки, чтобы не сорваться, не нагрубить, не наговорить слов, о которых он, вполне вероятно, потом пожалеет.

– Как-то нехорошо получилось, – заявила мать, когда они возвращались к машине Глеба.

– Что не так? – спросил он, объяснив водителю, куда ехать, и сев рядом с ней на заднее сиденье.

– А мы что, к тебе едем?

– Нет, к себе еду я. Приму душ, переоденусь и поеду на работу. А Павел, водитель, отвезет тебя куда скажешь.

– На работу? Ты сможешь сегодня работать?

– Смогу... Почему нет?

– Но... Но я не могу оставить тебя в таком состоянии. Это плохо...

– В каком состоянии, ма? Пожалуйста! Мне хочется немного побыть одному... В тишине...

Но побыть в тишине ему не удалось – под окном беззастенчиво громко чирикал воробей.

– Можно потише? – возмутился было Глеб и вдруг словно увидел Киру.

«Глебушка, Глебушка, дай кусочек хлебушка», – пропела бы она сейчас.

Мимоходом включив чайник, Глеб заглянул в хлебницу, отщипнул от батона немного мякиша, приоткрыл окно и покрошил его в собственноручно изготовленную когда-то кормушку.

– Ешь, вымогатель! Мы теперь вдвоем с тобой остались, должны друг друга поддерживать. Ты в курсе, что такое «поддерживать»? Есть в вашем воробьином лексиконе такое слово?

Воробей, с лёту бросившийся клевать крошки, поглядел на Глеба и вернулся к трапезе. Неугомонная птица прилетала каждое утро – очевидно, жила где-то поблизости. Кира, смеясь, говорила, что воробей похож на Глеба, и он каждый раз делал обиженное и чуточку сердитое лицо. Ну кому, скажите на милость, хочется походить на воробья? На орла – еще куда ни шло. Можно еще на ворона – говорят, они мудрее людей. А на воробья? С его-то без малого двумя метрами роста! Но раз Кира говорит, что похож, значит, деваться некуда. Он согласен быть воробьем, муравьем, слоном и даже ослом, лишь бы слышать ее смех вперемешку с воробьиным чириканьем, шумом закипающего чайника и запахом ее любимых духов – ненавязчиво сладких, чем-то отдаленно напоминающих Глебу компот в школьной столовой. Духи эти носили гордое имя «Императрица», что абсолютно не соответствовало ни запаху, ни характеру Киры, ни ее внешности. Этот гордый титул ассоциировался у Глеба с властным взглядом, круглым лицом, двойным подбородком и мощным бюстом.

Ничем из вышеперечисленного Кира похвастаться не могла. Невысокая, шупленькая, со спины похожая на мальчика-подростка. И взгляд самый что ни на есть мягкий, доброжелательный. Хотя, наверное, как раз подходящий для такой должности. Клиенты ведь попадают разные, особо не покомандуешь. Волей-неволей приходится подстраиваться, учиться быть вежливым, внимательным. Одним словом, таким, как Кира. Когда-то он, Глеб Ермолаев, оказался именно этим клиентом – переборчивым, высокомерным грубияном. Вернее, такой была Луиза, с которой он пришел в «Эдельвейс» – самую рейтинговую турфирму города – в поисках свадебного тура. Нет, он не кривил губы в саркастической усмешке, не отвечал на каждое предложение Киры презрительными комментариями. Эту роль Глеб целиком и полностью доверил Луизе, ограничившись молчаливым перелистыванием буклетов и периодическим постукиванием пальцами по подлокотнику эдельвейсовского дивана из кожи цвета кофе с молоком.

В конце концов действие под названием «выбор тура» ему надоело, он сгреб просмотренные буклеты и, пообещав подумать на досуге, направился к выходу, даже не удостоверившись, что Луиза следует за ним. Впрочем, злобный стук ее каблучков без лишних слов свидетельствовал о том, что так оно и есть.

– Ну ты чего? Я же не могу передвигаться с такой скоростью! – возмущенно заявила она, располагаясь на переднем сиденье его «мерса».

Получалось у нее это виртуозно, чувствовалась многодневная тренировка. Каждое движение отточено и призвано приковывать к себе взгляды мужской половины.

– Зачем носить обувь, в которой невозможно ходить? – отозвался Глеб.

Аккуратно прихлопнув дверь, он, не торопясь, обошел машину и зачем-то бросил быстрый взгляд на окна «Эдельвейса». Бежевые жалюзи, скрывавшие сотрудников и посетителей турагентства от посторонних глаз, не шевелились, и от этого Глеб ощутил непонятное раздражение.

Досуга, во время которого он собирался изучить предложения «Эдельвейса», не случилось. Придя домой, вернее в квартиру Глеба, где они с Луизой проживали последние полтора года, его невеста перво-наперво скинула неудобные туфли, а затем проследовала на кухню. Стук крышки мусорного ведра сообщил Глебу, что поездка в «Эдельвейс» была не чем иным, как тщательно спланированным убийством. Убийством времени, которое он мог посвятить любимому детищу – своей фирме.

Если верить заму, состояние фирмы было вполне устойчивым, но Глеб все равно периодически ощущал себя одной из семи нянек при безглазом ребенке. Казалось, стоит только убрать руку с пульса, и обязательно произойдет что-нибудь этакое. И он держал: днем и ночью. Это обстоятельство вносило неприятный диссонанс в их с Луизой отношения.

Яркая и красивая, она просто обязана была дарить свою яркость и красоту миру, ежедневно и ежечасно. А Глеб считал это бесполезным времяпрепровождением. Вечеринки, коктейль-пати, тусовки – зачем это все? Ну встретились, обменялись информацией, и все – дела не ждут. Но он привык к присутствию Луизы в своей жизни, как привыкают к симптомам хронической болезни, – ведь она была в ней всегда. Их матери учились когда-то в одном классе, почти одновременно вышли замуж и с разницей в полгода родили детей. Глеб с Луизой с детства были практически неразлучны – играли в одной песочнице, ходили в один детский сад, сидели за одной партой. Когда Глеб окончил институт, отец Луизы помог ему обзавестись бизнесом, а мать, в то время влиятельная чиновница в городской администрации, прокрутила через фирму сына лучшей подруги несколько очень выгодных операций. Получив такое начальное ускорение, паровоз ермолаевского бизнеса уверенно катил вперед в верном направлении, а в его голове угнездилась мысль, что он, как порядочный человек, обязан...

Луиза, вероятно, тоже так считала, но связывать свою жизнь с Ермолаевым не спешила. Причин тому было множество. Одна из основных – ее не устраивала фамилия будущего супруга. Ну как можно отказаться от царской фамилии Романова и стать какой-то там Ермола-

евой? Луиза Ермолаева – нонсенс! Попытка намекнуть жениху на смену фамилии наткнулась на стену, подобную Великой Китайской, – ни проехать, ни объехать. А что тут такого? Ведь случаи, когда мужа берут фамилию жены, пусть редко, но встречаются. Подумаешь, переделать документы. Поручить секретарю, курьеру, юристу какому-нибудь. Раз-два и готово. И фирму на другую фамилию переписать, а партнерам объяснить что почем. Мать Глеба даже порадует такому повороту событий – с его отцом она разошлась, когда Глебу не было и пяти лет, и с тех пор успела три раза поменять фамилию. Почему бы не «уесть» таким способом своего первого бывшего?

Глеб же о смене фамилии и слышать не хотел. Как-то, учась классе в седьмом-восьмом и выполняя задание по истории, он пытался отыскать корни своей фамилии. Оказалось, фамилия Ермолаев восходит к греческому имени Гермес, что означает посланник и вестник богов, покровитель красноречия и торговли. И вообще, эта фамилия представляет собой замечательный памятник славянской письменности и культуры. Одним словом, есть чем гордиться.

Не меньше смены фамилии смущали Глеба неизбежные для пышной свадьбы (а Луиза мечтала именно о такой) затраты. Причем не столько финансовые – с этим он, слава богу, справился бы, – сколько временные. Родители Луизы к тому времени большей частью обитали в Италии, где владели небольшой виллой с видом на Неаполитанский залив. Разумеется, свадебные торжества планировались как у себя дома, так и у родителей, и не просто пару-тройку часов в ресторане, а как полагается у нормальных людей – дня по три. Плюс медовый месяц. Именно месяц, а не какая-нибудь вшивая неделя. Убрать руку с пульса родной фирмы на такой продолжительный срок для Глеба было делом абсолютно немислимым. Оставалось надеяться, что либо когда-нибудь найдется человек, которому он сможет безболезненно делегировать обязанности руководителя, либо по какой-нибудь причине аппетиты у Луизы уменьшатся.

Поход в «Эдельвейс» вовсе не означал, что решение связать свои жизни не только путем совместного проживания, но и с помощью штампа в паспорте достигнуто окончательно и бесповоротно. Луиза просто изучала варианты – вдруг случай подкинет что-нибудь этакое, немасловое, нерастиражированное. Тогда можно и замуж. А пока...

На следующий день после визита в турфирму Глеб вдруг почувствовал, что ему просто необходимо заехать туда еще раз. Идея была совершенно контрпродуктивной, поэтому он постарался выбросить ее из головы. Но не тут-то было – мысль отчаянно цеплялась за нейроны мозга, не желая удаляться. Мозг победил, и в пятницу после обеда Ермолаев снова оказался в офисе «Эдельвейса».

– Здравствуйте! – улыбнулась ему девушка, сидевшая за столом у входа. Губастая, скуластая – одним словом, эталон современной красоты. – Рада приветствовать вас в «Эдельвейсе»!

Глеб пробежался глазами по комнате в поисках той, ради кого он, собственно, сюда явился, и обнаружил ее разговаривающей с седовласой дамой с осанкой английской королевы.

В этот момент девушка отвела глаза от собеседницы, посмотрела на Глеба, и лицо ее осветилось такой искренней радостью, что тот понял – не зря, нет, не зря он пришел сюда!

– Вы определились с направлением? – спросила девушка, попрощавшись с «английской королевой» и жестом пригласив Глеба присесть поближе.

– И да, и нет, – пожал он плечами, устраиваясь в кресле рядом с ее столом. – Мне хотелось бы уточнить кое-какие детали.

– Да, конечно, – она кивнула с доброй улыбкой.

– Меня зовут Глеб. Глеб Ермолаев, – представился он и зачем-то посмотрел на ее правую руку. Кольца не было, и это обстоятельство вызвало в его душе тихое ликование.

– Кира, – представилась она. – Что конкретно вас интересует?

– Все. – Он широким жестом показал примерные размеры своих интересов. – Например, куда, по-вашему, вообще стоит поехать?

– А где вы уже были?

Этот простой вопрос загнал Глеба в тупик.

– Да, собственно... – Он посмотрел на свои руки. – Собственно...

– Это здорово, – тут же пришла ему на помощь Кира. – Здорово, что вы решили отправиться в путешествие. Знаете, что сказал Марк Твен? Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре – что мало любили и мало путешествовали.

– Да, – отозвался Глеб, чтобы хоть что-то сказать, потому что говорить не хотелось. Хотелось слушать ее, видеть, как шевелятся ее нежно-розовые губы, ощущать запах ее духов – таких же нежно-розовых.

– Лондон, Париж, Рим, Барселона, – словно капли дождя срывались с розовых губ, – Стамбул, Прага, Флоренция, Амстердам, конечно же Венеция, Будапешт, Берлин. Острова, такие как Майорка, Санторини, Тенерифе, Кипр, Крит, Корсика, Мадейра, Мальта. История, традиции, фольклор, кухня. Гуманизированные или дикие ландшафты.

– А вы? – спросил он, чувствуя, что пауза затянулась. – Вы какие ландшафты предпочитаете?

– Я? – удивилась она. – Мы же сейчас говорим о вас. Вы, помнится, выбираете тур для свадебного путешествия. Думаю, вам нужен определенный уровень сервиса, комфорта...

– И все-таки, куда бы отправились вы?

– Понимаете, у каждого свои каноны красоты. Они зависят от характера человека, его культурного багажа, опыта. Его фобий, наконец.

– Фобий? – Последнее слово заинтересовало Глеба. – А у вас есть фобии?

– Я очень люблю Крым. – Похоже, Кира не собиралась делиться с ним своими страхами. – Там есть места, где от восторга хочется плакать. Ай-Петри, Партенит, Тарханкут и его чаша любви, розовое озеро. А пещерные города в горах, места с мощной энергетикой! А горы, красота которых заставляет задыхаться даже на спуске! Понятно, это не совсем то, что вам нужно...

В этот момент он точно знал, что ему нужно – обладать этой девушкой. Прямо сейчас, подобно маньяку или первобытному дикарю, сгрести ее в охапку и утащить в свое логово. Кормить, поить, оберегать, холить, лелеять. И любить. Любить так, чтобы, согласно Марку Твену, не о чем было жалеть на смертном одре. Он, правда, говорил еще о путешествиях, но их гораздо легче устроить.

Вечером он подкараулил Киру после работы, подарил цветы, предложил посидеть где-нибудь за чашечкой кофе. За цветы она поблагодарила, а от кофе отказалась.

– Не думаю, что вашей невесте это понравится, – сказала она грустно, и невооруженным взглядом было заметно, что отказ дается ей с трудом.

– А мне кажется, что ей все равно, – попытался настоять на приглашении Глеб.

– Зато мне не все равно, – покачала она головой. – Это мой принцип – не брать чужое. И я не хочу от него отказываться даже ради...

Кира опустила голову, и Глебу показалось, что она вот-вот заплачет.

– Ну вы хотя бы разрешите подвезти вас до дома?

Она покачала головой.

– Спасибо, тут пешком совсем близко, а на машине придется делать большой круг. Еще раз спасибо за цветы. Решите что-нибудь насчет путешествия – заходите.

Он часто вспоминал эту девушку с ее странными принципами. Досадовал, злился: на нее – за твердость, на себя – за недостаточную настойчивость.

Но тут ситуация коренным образом изменилась. Луиза собралась навестить родителей. Попыталась уговорить Глеба составить ей компанию, но у него как раз была очередная запарка, и Луиза уехала одна. Впрочем, последнее обстоятельство не сильно ее огорчило. Уж что-что, а отсутствие веселой компании ей не грозило никогда. Поездка оказалась прямо-таки судьбоносной – в солнечной Италии Луиза познакомилась с макаронным магнатом по имени Рикардо.

Он был немолод, но определенно богаче Глеба, и самое главное – являлся носителем замечательной фамилии – Романо. Спустя три месяца Луиза Романова превратилась в синьору Луизу Романо, обладательницу дома в Риме, виллы в Неаполе и белоснежной двадцатиметровой яхты с роскошной спальней и просторным флайбриджем¹.

Разумеется, Ермолаев с матерью были в числе приглашенных на свадьбу, после чего молодые отправились в путешествие на яхте, а Глеб, оставив мать любоваться итальянскими пейзажами и сославшись на производственную необходимость, полетел в родные пенаты.

Едва ступив на родную землю и убедившись, что с родной фирмой в его отсутствие ничего плохого не случилось, он отправился в «Эдельвейс». И к своему огорчению не обнаружил девушку, чей образ нет-нет да посещал его мысли.

– Она уволилась, – сообщила бывшая коллега Киры, та самая губасто-скуластая, с которой он общался во время своего второго визита в туристическую фирму.

После короткого торга они с девушкой пришли к консенсусу: в ее кошельке появилась столондаровая купюра, а в кармане Глеба – листок с адресом и телефоном Киры.

И вовсе не рядом с офисом она жила, маленькая врушка, а в спальном районе на окраине города, где не имелось ни одного мало-мальски приличного кафе, куда не стыдно пригласить девушку. Он позвонил ей от подъезда, ни на что особо не рассчитывая.

– Здравствуйте, Глеб! – отозвалась Кира, стоило ему назвать себя.

И даже не видя ее лица, он понял, что она улыбается и рада его звонку. Она не спросила, откуда он взял ее телефон, и вообще ничего не спросила. Слушала и молчала.

– Моя девушка, Луиза, вышла замуж на прошлой неделе, – не тратя время на пустые разговоры, сообщил Глеб и счел нужным пояснить: – Не за меня.

Тут он сделал маленькую паузу, рассчитывая услышать слова сочувствия, но Кира продолжала молчать.

– И я подумал, – продолжил Глеб, – может, теперь вы согласитесь сходить со мной в кафе?

Она молчала секунду, две, три, и он уже было подумал, что плохи его дела, как вдруг услышал:

– Соглашусь.

А потом она сказала «соглашусь», когда Глеб предложил переехать из тесной однушки на девятом этаже, которую она снимала за какие-то немислимые деньги. И еще согласилась, когда он, видя, как скучает она по работе в «Эдельвейсе», предложил купить для нее туристическое агентство. Оно было совсем маленьким, незавидным, едва оправдывало себя, но носило позитивное название «Веселый ветер». К тому же продавалось вместе с помещением в довольно престижном офисном центре, что само по себе являлось неплохим вложением капитала. Даже если туристический бизнес прогорит, можно заняться чем-нибудь другим, или, на худой конец, сдавать офис в аренду. Единственное пожелание, которое высказал Глеб перед покупкой, – чтобы не переделывать впоследствии учредительные документы, он предложил сразу оформить их на Киру Ермолаеву.

– Но моя фамилия Колобкова, – поправила его Кира, а в ее глазах заскакали веселые чертики.

– Пока – Колобкова, – многозначительно заявил Глеб и полез в карман пиджака, где уже почти неделю дожидалась этой минуты коробочка из красного бархата с бабушкиным кольцом. Было оно слишком специфическим, не стильным, не модным. Подари он его Луизе, та, наверное, решила бы, что он совсем утратил связь с реальностью из-за своей работы. Кира же... Чертики мгновенно испарились, на смену им пришли слезы.

¹ Флайбридж – открытая площадка, мостик, на крыше ходовой рубки судна с дополнительным постом управления, а также местами отдыха для пассажиров.

– Глеб! – Осторожно, двумя пальцами, она освободила кольцо из футляра. – Оно просто фантастическое!

– Ты согласна?

– На смену фамилии? – всхлипнула она.

– И не только.

И она в третий раз сказала: «Согласна», уточнила только:

– А что скажет твоя мама? Вдруг она будет против?

Мама, конечно, сына поддержала.

– Ты у меня взрослый мальчик, – сказала она, – самостоятельный.

Их расписали через три дня.

Прошло полгода. Отшумели первые яркие эмоции, прогремели грозы первых ссор, неизбежных при таком скоропалительном браке.

Однажды, выходя из офиса, Глеб столкнулся с Луизой. С первого взгляда могло показаться, что замужество пошло ей на пользу – синьора Романо выглядела блестяще. Красота ее стала менее вызывающей, зрелой, спокойной, уверенной, что ли, и от этого еще более волнующей. Но Глеб слишком хорошо знал подругу детства, чтобы не заметить легкий флер разочарования на ее лице, из чего он сделал вывод, что синьор Романо не оправдал возлагаемых на него надежд.

– Привет! – улыбнулась она. – Вот это встреча!

Глеб не был бы хорошим руководителем, не умеи он улавливать фальшь в самых, казалось бы, искренних словах. И сейчас он почувствовал, что встреча эта была не такой уж случайной.

– Лучше бы ты меня на свадьбу пригласил, – ответила Луиза на его предложение посидеть в кафе.

Она заказала кофе и какой-то белоснежный десерт, посыпанный шоколадной крошкой. Глебу, который рассчитывал пообедать, пришлось довольствоваться тем же.

– Ты это сделал мне назло? – спросила Луиза, исследуя с помощью чайной ложки содержимое принесенной официантом креманки.

– Не понимаю, о чем ты, – прикинулся дурачком Глеб. – О свадьбе?

– Все ты прекрасно понимаешь. Эта твоя серая мышь – зачем она тебе?

Лучше бы она этого не говорила. Если до этого Глеб выбрал позицию старого друга, то теперь решил расставить точки над *i*, чтобы раз и навсегда покончить с этой темой.

– Давай будем честными друг с другом, – сказал он, залпом допив свой кофе. – Мы с тобой никогда не любили друг друга. Мы совершенно разные...

– А с ней, значит, любите. Типа половинки. – Губы Луизы презрительно скривились, и она вмиг утратила всю свою красоту и молодость, превратившись в склочную тетку средних лет.

– Да, – кивнул он и мысленно добавил: «Да, да, да, тысячу... миллион раз да». Кира была не просто половинкой – она стала для него всем.

Воробей опустошил кормушку, вызывая чирикнул и посмотрел на Глеба.

«Маловато будет, – словно говорили черные бусины птичьих глаз. – Хозяйка твоя пощедрее была, чем ты».

– Была, – проговорил Глеб. – Была...

И от этого короткого слова, как от пули, что-то внутри его вдруг оборвалось. Лопнуло, разлетелось на тысячу кровавых ошметков, а на образовавшемся месте стремительно росла и ширилась пустота. Настолько болезненная, что невозможно ни вздохнуть, ни крикнуть.

«Я умираю, – понял он. – Может, это и к лучшему. А вдруг там, по ту сторону, действительно что-то есть и я встречу Киру?»

Воробьиное чириканье стало громче, словно никакой это не воробей, а огромный тысячепудовый колокол звонит над головой.

«Не вздумай! – слышалось Глебу в звуках этого колокола. – Не бросай меня! Кира ушла, а теперь и ты засобирался! А как же «мы в ответе за тех, кого приручили»? А как же фирма? Почти сотня людей, вверивших тебе свои судьбы? Как же твоя мать, в конце концов? О ней ты подумал?»

Собрав в кулак последние силы, Глеб нашел телефон и набрал номер «Скорой».

Его нашли на пороге квартиры. Сердечный приступ. Подхватили, откачали, спасли. Вот только инструкций, как жить теперь вот такому, половинчатому, не дали. Через неделю его выписали, снабдив списком лекарств, и он прямо из больницы отправился в офис.

Голова еще кружилась от слабости, но он верил: спасение в работе.

Его появление в офисе вызвало настоящий переполох.

– Глеб, ты с ума сошел, – буквально ворвался в кабинет его зам, Александр Сергеевич, обладатель степени МВА Эдинбургского университета и фамилии Птушкин, – единственный, пожалуй, кто был в курсе всего произошедшего с шефом.

– Мы к вам сегодня в больницу собрались ехать, – подтвердила секретарша Аллочка, по совместительству племянница Птушкина. – Апельсины...

– Отставить апельсины, – скомандовал Ермолаев, – принеси корреспонденцию и список звонивших, а пока я буду смотреть, сбегай в аптеку. Вот рецепт, вот деньги.

– Но... Ваша мама... – Аллочка вопросительно покосилась на дядю.

Тот кивком предложил ей не спорить с начальством.

Среди звонивших Глеб обнаружил фамилию Осипова. Наташа Осипова, сотрудница Киры. Бывшая.

– Что будем делать с «Веселым ветром», Сергеич? – спросил он зама.

– А что с ним делать? Пусть себе дует и веселится. Толку с него, конечно, никакого, но вдруг сгодится. У нас вот в сентябре годовщина фирмы, так можно через него пропустить какую-нибудь увеселительную поездку. Только не вокруг дома с ночевкой, а куда-нибудь подальше. Типа Розы Хутор какого-нибудь.

Глеб видел, что Птушкин изо всех сил старается хохмить, и от этого воистину титанического принуждения себя к позитиву ему было искренне жалко зама.

Около часа они обсуждали текущие проблемы, а потом в дверь постучалась Аллочка.

– Глеб Васильевич... – она сделала огромные глаза и почти шепотом сообщила: – Ваша мама звонила. Она сейчас приедет. Ругается.

«Этого только не хватало!» – мысленно ужаснулся Глеб.

– А где моя машина?

– Отвезти тебя домой? – подхватился Птушкин.

– Наверное, – пожал плечами Глеб. – Хотя нет, давай все-таки на минутку заедем в «Плазу».

– В «Плазу» так в «Плазу», – согласился Птушкин.

Поднимаясь в лифте, Глеб страшно боялся увидеть портрет Киры с траурной ленточкой наискосок и печальным букетом в вазочке. И был бесконечно благодарен Наташе за то, что ничего этого не было. Офис «Веселого ветра» остался таким же, как при Кире: фотографии, подаренные благодарными клиентами, куча разнообразных сувениров и огромная, во всю стену, карта мира. Когда-то давно, в прошлой жизни, Глеб предложил отмечать на ней места, где они с Кирой побывают, и тогда же воткнул первый красный флажок возле Стамбула. Теперь этот одинокий флажок маячил молчаливым укором. Обманул, не сдержал слова, не защитил, не сберег, потерял...

– Глеб Васильевич? – Наташа ждала от него указаний, а он не знал, что сказать. Глеб подошел к столу жены, провел по нему рукой и тут же устыдился этого жеста – вдруг Наташа

решил, что он проверяет качество работы уборщицы. На столе лежал ежедневник, который он подарил Кире в преддверии Нового года. Яркая кожаная обложка притягивала взгляд. Глеб медленно полистал страницы. Записей совсем мало – номера автобусов, чьи-то телефоны, а потом и вовсе что-то странное – «допельгангер». Что бы это могло значить? Дальше пустая страница. И еще одна.

Глеб решил, что на таинственном допельгангере записи обрываются, как вдруг, спустя неделю, обнаружилось еще одно, не менее странное слово – «Кайрос».

Тут Глеб почувствовал, что Наташа не сводит с него вопросительного взгляда.

«Ждет ответа», – понял он.

– Вы меня извините, что-то я задумался, – он тряхнул головой, пытаясь вырваться из плена двух странных слов, которые Кира записала в своем ежедневнике. – Насчет работы... Да, насчет работы. Вы постарайтесь, пожалуйста, найти человека. Не одной же вам тут сидеть.

– Мне самой искать? – переспросила она.

– Ну да, вам же работать. Но, если хотите, я могу своего кадровика подключить. Как лучше?

– Я могу, – с горячностью заговорила она. – Уже думала об этом. Давайте я подберу кандидатуры, а ваш кадровик поможет определиться, кого выбрать. Хорошо?

– Конечно. И как насчет того, чтобы стать директором?

– Я? – Тут она совсем смутилась и, кажется, даже собралась заплакать.

– Так как? – строго спросил он.

– Я... Да... Я – да! Согласна.

– Хорошо, тогда я поручу юристу подготовить необходимые документы, и займитесь поиском помощника.

Перед тем как уйти Глеб положил в карман Кирина ежедневник.

– Тебе говорит что-нибудь слово «допельгангер»? – спросил он у Птушкина, когда они вернулись в машину.

– Что-то из мистики, – сказал тот, перестраиваясь в крайний левый ряд.

– А «Кайрос»?

– «Кайрос»... «Кайрос»... А в каком контексте?

– Ни в каком. Просто «Кайрос».

– Что-то из мифологии. Надо в интернете посмотреть.

Оказавшись дома, Глеб перво-наперво включил ноутбук.

Допельгангер – в литературе двойник человека. Не отбрасывает тени... Не отражается в зеркале... Его появление обычно обозначает смерть героя. Смерть героя... Значит, Кира предчувствовала свою смерть? И она вовсе не была случайностью, как пытались уверить Глеба служители закона? Или нет – Кира, когда писала это слово, имела в виду что-то совсем другое? Может, подсказка кроется в слове «Кайрос»?

Но смысл слова «Кайрос» не только не прояснил обстановку, но еще больше напустил тумана таинственности. Ибо был этот Кайрос древнегреческим богом счастливого мгновения, самым младшим из детей Зевса. Греки очень почитали Кайроса и изображали его в виде крылатого юноши с длинным чубом на лысой голове. Именно за этот чуб и можно было поймать неуловимого бога. Заезаешься, не успеешь – пиши пропало. Счастливый случай повернулся к тебе задом, и сколько ни скреби пальцами по лысому затылку, удачу не вернешь.

Входная дверь хлопнула, и в комнату влетела мать.

– Глеб! – возмущенно заявила она. – Мне сказали, что ты прямо из больницы отправился на работу! Неужели это правда?

– Я дома, – нехотя закрывая ноутбук, сказал Глеб. – Видишь – дома. Пожалуйста, мама, я устал.

– Да, да, – тут же сдалась она, – я тебе поесть принесла. Может, надо в аптеку сходить? Купить что-нибудь?

– Да есть у меня все! Вот, видишь, целый пакет с лекарствами. Сейчас лягу и буду продолжать лечиться.

– Может, тебе в санаторий поехать? В какой-нибудь реабилитационный центр?

Глеб решил не спорить и полностью отдаться на растерзание материнской любви. Он прошел в спальню, лег на кровать. Подушка еще хранила воспоминание о Кириных духах. А может, запах шел из шкафа, где хранилась ее одежда? Мать на кухне гремела посудой, и Глеб не выдержал: подошел к шкафу, открыл дверцу и зарылся лицом в первое, что попало на глаза, – плечо серого пальто из тонкой шерсти. Внезапно пальто соскочило с плечиков и упало. Глеб поднял его, погладил воротник, провел ладонью по ряду серых пуговиц. Представил, как Кира идет ему навстречу в этом пальто...

– Решил разобрать вещи? – Голос матери обжег словно удар хлыста. – Не рано?

Он сунул пальто обратно в шкаф, попытался захлопнуть дверцу, но створка зацепилась за полу и никак не хотела закрываться.

– Дай я помогу! – поспешила на помощь мать.

– Я сам, – заталкивая пальто в разверстную пасть шкафа, он почувствовал, что в кармане что-то лежит, сунул в него руку и извлек на свет визитную карточку.

«Детективно-консалтинговое агентство «Кайрос» – значилось на белом матовом прямоугольнике. Рыбак Иван Станиславович. Вот оно что! «Кайрос» вовсе не бог, а детективное агентство. Уже легче. Остается найти этого Ивана Станиславовича и узнать, что хотела от него Кира. А заодно кто или что такое (такой) Доппельгангер. Только для начала надо освободиться от мамы, решившей, казалось, за один день израсходовать на своего взрослого сына весь запас материнской любви и заботы.

Глава 2

Дождь все лил и лил, и, похоже, вовсе не собирался заканчиваться. Обычно Кристина оставляла машину на стоянке возле торгового центра и проходила два квартала пешком, но по такой сырости особо не погуляешь. Можно, конечно, припарковаться возле офиса, но обычно эту привилегию сотрудники детективно-консалтингового агентства «Кайрос» по давно укоренившейся привычке оставляли своим клиентам. Навигатор помог найти парковку во дворе дома на Гагаринской, откуда до офиса можно добежать за считанные минуты.

В последний раз безрезультатно обзрев небеса в поисках просвета, Кристина вздохнула, выудила из бардачка зонтик и, подхватив необъятную сумку с документами, которые брала, чтобы поработать дома, выскочила под дождь. Сразу возникло желание вернуться, тем более до начала рабочего дня еще почти полчаса, и за это время дождь может прекратиться. Но не в правилах генерального директора «Кайроса» пасовать перед трудностями. Туфли на невысоком каблуке мгновенно промокли и спадали при каждом шаге, но Кристина ухитрилась добежать до офиса не потеряв их.

Сквозь жалюзи на окнах офиса пробивался свет – непогода не помешала Федору Лебедеву, компьютерному гению «Кайроса», первым явиться на работу. Нырнув из промозглой сырости улицы в теплое помещение, пронизанное ароматом свежесваренного кофе, Кристина ощутила прилив радости. Как же она любила все это: свою фирму, работу и весь мир, невзирая на дождь.

Федора в офисе не было – страстный любитель чипсов, сухариков и прочих снеков, наверное, собрался пить кофе, обнаружил, что запасы провизии на исходе, и бросился пополнять их в ближайшем магазинчике. Конечно, плохо, что Федор, уходя, не закрыл дверь, но, скорее всего, он таким образом позаботился о Кристине. Начни она возиться с ключами – намокла бы еще больше.

Оправдав таким образом сотрудника, Кристина оставила зонт у двери и направилась к своему рабочему столу, на ходу расстегивая пальто. И тут она заметила торчащие из-под стола Федора ноги в кроссовках с высунутыми языками. От страха у нее перехватило дыхание, сумка выпала из рук с таким грохотом, что, казалось, вздрогнул пол под ногами.

Ноги в кроссовках неожиданно дернулись, исчезли, и из-под стола появилось удивленное лицо Лебедева.

– Кристина Сергеевна!.. – испуганно пробормотал он, сдирая с головы наушники.

Пережитый ужас, мокрые ноги и это «Кристина Сергеевна» – ну не переносила она, когда ее называли по имени-отчеству – выбили ее из колеи, на глаза набежали слезы. Не хватало еще расплакаться, подрывая тем самым свой авторитет.

– В чем дело, Федор? Чем ты там занимался? – Стараясь не показывать программисту лицо, Кристина села за свой стол и сбросила туфли.

От этого простого действия сразу стало легче и плакать расхотелось. Почти.

– Это эксперимент такой! Кофе хотите? – затараторил Лебедев.

– Не откажусь. Так что за эксперимент?

– Понимаете, я тут прочитал, что лежа думается лучше. Ученые из Австралии, кстати, доказали.

– Ну да, разумеется, – скептически усмехнулась Кристина. – Лежа оно всегда лучше. Особенно на диване, под сериал, с вкусняшками.

– Не верите мне, спросите у своего брата! – всерьез обиделся Лебедев. – Это как раз по его части². В лежачем положении вырабатывается меньше норадреналина, отвечающего за внимание и память, однако вредящего творческому мышлению.

Кристина усмехнулась:

– То-то мне иногда снится что-то прямо-таки гениальное, а проснусь – не могу вспомнить. Мышление-то работало на полную катушку, а недостаток норадреналина не дал запомнить, что я напридумывала. Кстати, кто-то обещал кофе. Или забыл?

– Так нечестно, – заявил Лебедев, а Кристина, глядя на его порозовевшее от возмущения лицо, не смогла удержаться от смеха.

– Погода плачет, а мы смеемся, – с этими словами в офисе появился зам Кристины, Тимур Молчанов. – И это здорово. Намокли?

– Греемся, – сказала Кристина, натягивая на мокрые ноги шерстяные носки, которые предусмотрительно хранила в столе на случай отключения отопления.

Дождь все лил и лил. Часам к одиннадцати появились Ася с Иваном, и теперь вся команда «Кайроса» была в сборе. Хотя в названии фирмы детективная деятельность стояла на первом месте, основным направлением работы являлось консультирование предпринимателей по вопросам ведения бизнеса и налогообложения. Занимались этим в основном Кристина и Тимур. Детективное направление лежало на плечах Ивана Рыбака, бывшего оперативника, и Аси Субботиной, его верной боевой подруги. Федор Лебедев, благодаря способности раздобыть в интернете практически абсолютно любую информацию, пусть иногда и не очень законными средствами, преуспел на обоих поприщах.

Несмотря на свои таланты, во многих жизненных вопросах Федор оставался сущим ребенком, что, впрочем, не особо его огорчало, кроме, пожалуй, одного обстоятельства: Федор был давно и безнадежно влюблен в Асю. Это чувство, не составлявшее секрета для членов команды «Кайроса», с одной стороны, вдохновляло его на новые идеи, с другой – служило поводом для постоянных стычек с Рыбаком. Конечно, вполне безобидных. На стороне одного было умственное преимущество, на стороне другого – физическое. Федор втайне надеялся, что когда-нибудь Ася оценит его по достоинству. А может, и уже оценила – ведь не зря их с Рыбаком свадьба уже два раза откладывалась.

Рабочий день шел своим чередом. Кристина дописывала ответ на запрос одного из постоянных клиентов, Тимур изучал экономическую прессу, Ася с помощью Федора и собственноручно написанной им программы составляла отчет по рейду тайного покупателя. Именно эти рейды и были детективной составляющей работы агентства. По заранее составленному и согласованному плану Ася с Иваном посещали объекты заказчика – в основном магазины, кафе, рестораны, салоны красоты. Во время этих рейдов велась оперативная видеосъемка, на основании которой готовился отчет о качестве работы персонала. Проложа руку на сердце, Асе эта работа не очень нравилась. Каждый раз, когда результаты рейда оказывались не очень благоприятными, она чувствовала себя чуть ли не Павликом Морозовым, составляющим донос на родного дедушку. Иван скучал по живой работе, но считал, что работа тайным покупателем гораздо лучше настоящих детективных дел, имевшихся в архиве «Кайроса». Пусть она приносит меньше денег, но так гораздо спокойнее, потому что Ася обладала воистину уникальной способностью притягивать к себе неприятности.

Ася что-то негромко обсуждала с Лебедевым, а Рыбак, которому, по большому счету, нечем было заняться, затеял с компьютером игру в «Морской бой», украдкой бросая взгляды на подругу.

Колокольчик над входной дверью отрывисто звякнул, и в офис вошел высокий мужчина в темно-сером костюме. Он явно приехал на машине – одежда и обувь практически не успели

² О сводном брате Кристины, нейрохирурге из Австралии, читайте в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

намокнуть, но темные волосы прилипли к болезненно-бледному лбу, словно при лихорадке, вызванной высокой температурой. Несмотря на последнее обстоятельство, выглядел незнакомец как потенциальный клиент – на одежду явно потрачена круглая сумма денег, у одеколона запах спокойной уверенности.

– Мне нужен Иван Станиславович Рыбак, – не дав себе труда поздороваться, заявил мужчина.

– Это я. – Рыбак тут же бросил «Морской бой», вышел из-за стола и протянул незнакомцу руку.

– Моя фамилия Ермолаев. Глеб Ермолаев, – заявил тот, избегая рукопожатия.

– Иван, – ответил Рыбак, пряча руку за спину. – Слушаю вас, гражданин Ермолаев.

Сказано это было абсолютно спокойно, и лишь Ася, прекрасно знавшая Рыбака, почувствовала нотки угрозы в обращении «гражданин».

– Я – муж Киры, – заявил Ермолаев.

– Очень приятно, – с достоинством отозвался Рыбак. – Присаживайтесь. – И он указал гостю на стоящее рядом с его столом кресло.

Глаза Аси слегка расширились, а Лебедев даже слегка приподнялся в своем кресле, чтобы не пропустить ни мгновения из разворачивающегося на его глазах представления.

– Я муж Киры Ермолаевой. – В голосе визитера уже не было первоначальной уверенности. А еще с каждой минутой он выглядел все более бледным.

– Извините, вы не напомните, о ком идет речь?

– Напомнить? Сейчас я тебе напомню! – Ермолаев вытащил из кармана визитку и бросил ее на стол перед Иваном. – Вот! Это что?

– Моя визитка, – подтвердил Рыбак. – И что?

– Она приходила сюда, Кира. Приходила. У нее в ежедневнике записано: «Кайрос». Двадцать шестого мая.

– И что?

– То есть ты не отказываешься, что она здесь была?

– Двадцать шестого мая? Кира Ермолаева? А в чем, собственно, дело?

– А в том, что она мертва!

– Вы подозреваете, что я к этому причастен? – абсолютно серьезно спросил Рыбак.

– Хватит делать из меня дурака! – взревел Ермолаев. – У меня есть возможности доставить вам оч-ч-чень большие неприятности.

При этих словах он со всей силы рубанул рукой по столу, и Кристина сочла нужным вмешаться:

– Извините, пожалуйста. Меня зовут Кристина Светлова, я генеральный директор агентства. Не могли бы вы объяснить, что здесь происходит?

– У меня умерла жена. Вернее, ее убили. А вчера я узнал, что она общалась с этим типом. Вот я и хочу узнать, что за дела такие у них были. Может, это как-то связано с тем, что она, что ее...

Тут у Ермолаева кончился запал. Он рухнул в кресло и болезненно поморщился.

– Вам плохо? – тут же среагировала Кристина. – Может, «Скорую»? Воды?

– Нет, – Ермолаев закусил нижнюю губу.

– Насколько я поняла из ваших слов, – Кристина выразительно посмотрела на Асю, и та мгновенно принесла гостю стакан воды, – ваша жена приходила сюда двадцать шестого мая. Так?

Ермолаев судорожно сжал в руках принесенный Асей стакан и кивнул.

– Так.

– А сегодня у нас двадцать первое июня. Иван Станиславович вполне мог забыть подробности разговора. Можете вы хоть примерно напомнить, о чем шла речь?

– Я понятия не имею, – устало произнес Ермолаев. – Знал бы, наверное, не пришел бы сюда.

– А есть у вас фотография жены? – спросила Ася, с сочувствием глядя на посетителя. Когда она так смотрит, отказать практически невозможно. Гость не был исключением.

– Фотография? – переспросил он. – Да, конечно, есть.

Он достал смартфон, и на засветившемся экране возникла фотография темноволосой девушки с пышной челкой и грустными глазами.

Иван взял телефон двумя пальцами, всмотрелся в изображение.

– Точно, помню.

– И? – впился в него взглядом Ермолаев.

– Ну она... Она была немного не в себе...

– Что ты такое говоришь!

Ермолаев – и откуда только силы взялись? – подскочил, отшвырнув ногой кресло, и схватил Ивана за грудки.

– Понимаете, – терпеливо освобождаясь из рук Ермолаева, заявил Рыбак, – она пришла, никого как раз в офисе не было: у нас сотрудница выходила замуж – Раиса. А меня оставили на дежурстве. Так вот. Она пришла и начала рассказывать, что за ней по пятам ходят двойники. Ее двойники, а еще директора офисного центра, охранника и какого-то детектива.

– Бред... – В одночасье растеряв весь боевой пыл, Ермолаев нащупал кресло и опустился в него.

– Вот-вот. Я так и сказал, вернее... – Иван увидел, как Кристина резко нахмурила брови, и поспешил исправиться: – Вернее, я сказал, что она, наверное, устала и ей нужно отдохнуть.

– А она? – спросил Ермолаев.

– А она спросила, дорого ли будет стоить выяснить, действительно ли эти люди существуют, двойники то есть, или это ей кажется.

– И?

– Ну и я сказал: дорого, потому что нужно как минимум три человека наружки, а лучше шесть.

– И?

– Она сказала, что это и правда дорого, и ушла.

– А ты?

– А что я? Я пошел на свадьбу...

– Сволочь! Какая же ты сволочь! Если бы не ты, она бы осталась жива!

– Скажите, пожалуйста, – поспешила заступиться за сотрудника Кристина, – мы можем вам чем-нибудь помочь? Я так понимаю, вы пытаетесь выяснить, что случилось с вашей женой? Мы могли бы помочь...

– Да пошли вы со своей помощью! Надо было раньше... Я в состоянии сам разобраться со своими проблемами без таких вот сомнительных помощников. А вы... Вы еще пожалеете!

И, сопровождаемый истерическим звоном колокольчика над входной дверью, Ермолаев покинул офис «Кайроса».

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Вань, – первой нарушила ее Ася, – ты правда отказался помочь этой Кире?

– Ася! – взорвался Иван. – Если бы ты ее видела! Она реально была чокнутой!

– Что ты кричишь на меня! – Нижняя губа Аси задрожала – верная приметадвигающихся осадков в виде слез.

– Да не кричу я, не кричу. – Он приблизился к подруге и попытался обнять ее, но Ася отскочила и села в кресло рядом со столом Лебедева.

– Знаешь, я сколько таких видел? – Рыбак тоже вернулся на свое рабочее место. – Вот скажи: идешь ты по улице, а навстречу – женщина с такой же, как у тебя, прической. И плащ,

как у нее, в твоём гардеробе имеется. Что ты подумаешь? Прямо вот так, с ходу, решишь, что тебя преследует двойник? А если мы втроем, Тимур, я и Лебедев, побреемся налысо и повяжем синие галстуки, что ты на это скажешь?

С каждым новым словом Рыбак повышал голос и последнюю фразу просто выкрикнул.

– Если кому-то кажется, что за ним следят, это не обязательно паранойя. Предлагаю всем сесть и успокоиться, – скомандовала Кристина.

– Есть, шеф, – отозвался Молчанов, который, в полном соответствии со своей фамилией, не участвовал в перепалке и не покидал своего рабочего места.

– Иван, тебя это тоже касается.

Рыбак нехотя вернулся к столу.

– Я считаю, мы должны помочь Ермолаеву узнать, что случилось с его женой, – решительно заявила Ася.

– И я! – поддержал ее Федор.

Впрочем, он поддержал бы любое ее решение.

– С какой стати? – возмутился Рыбак. – Человек открытым текстом сказал, что не нуждается в наших услугах.

– А ты? – спросила Ася.

– Что – я? – не понял Рыбак.

– Ты вот так спокойно относишься к тому, что тебя обвинили в смерти девушки?

– Да мне как-то абсолютно все равно. Я-то знаю, что не убивал ее.

– Для того чтобы убить, необязательно действовать. Иногда убивает бездействие.

В офисе воцарилась тишина, но была она до такой степени взрывоопасной, что Кристина сочла необходимым разрядить атмосферу.

– Ась, пойдём выпьем моккачино. Что-то мы давненько его не употребляли.

Моккачино, кофейно-молочный коктейль с карамелью и шоколадом, готовили в баре неподалеку. Мужская половина «Кайроса» знала – если девушки собрались выпить моккачино, значит, у них назрели темы для секретного разговора. На этот раз тема была всем известна, но желания присоединиться к обсуждению никто не выразил.

Отсутствовали они довольно долго, Иван уже начал беспокоиться. Не из-за того, что Ермолаев мог подкараулить Асю с Кристиной и претворить в жизнь свои угрозы, нет. Он боялся, что Ася уломает Кристину, а та, вернувшись в офис, поставит вопрос помощи Ермолаеву на голосование. И тогда он останется в меньшинстве – Лебедев уже свою позицию высказал, а Тимур, так уж сложилось, всегда поддерживает Кристину, даже когда она не совсем права.

Но, вернувшись, ни Кристина, ни Ася о Ермолаеве не вспоминали. Ася наводила блеск на отчет тайного покупателя. На вкус Рыбака, он и после лебедевской программы был вполне удобоварим, но Ася, перфекционистка в вопросах филологии, любила, чтобы все было от и до. Словам тесно, мыслям просторно, так, что ли? Или наоборот? Лебедев, отгородившись от окружающего мира наушниками, ушел в пучину интернета. Тимур что-то сосредоточенно печатал, уткнувшись в клавиатуру и изредка кидая взгляд на экран монитора. И только Рыбаку ничего, кроме «Морского боя», не оставалось. В какой-то момент он даже пожалел, что не воспринял тогда всерьез жену Ермолаева. Глядишь, сейчас занимался бы чем-нибудь более живым. Да и Аська теперь, к гадалке не ходи, надуется. Но, перефразируя слова известной песни, фарш невозможно повернуть назад...

Ася, конечно же, обиделась. Покончив с отчетом, она сдала его Кристине, натянула пальто и засобиралась домой.

– Подожди, я машину подгоню, сыро на улице, – сказал Иван.

Она молча кивнула.

– Надеюсь, они не подерутся, – пробормотал Лебедев, провожая Асю взглядом, в котором читалась жгучая надежда на совершенно противоположный вариант развития событий.

– Да, тогда придется тебе или Тимуру идти с Асей в рейд тайного покупателя, – заявила Кристина.

– Я всегда говорил – семейственность в коллективе штука не совсем удобная, – с улыбкой заметил Тимур.

Ближе к шести Молчанов собрался домой.

– Ты на машине? – спросил он Кристину.

– Да, – подтвердила она. – А что?

– Думал подвезти тебя.

– Нет, спасибо, я хочу тут еще...

Что еще, она уточнять не стала. «Нет» – оно и в Африке «нет». Хотя на самом деле она совсем не против проехаться с Тимуром до своего дома. Да что – до своего, она и до его дома готова доехать.

Когда-то – с тех пор столько всего случилось, что, кажется, это произошло в какой-то другой, прошлой, жизни, – они с Молчановым путешествовали на автомобиле по Австралии в компании маленькой девочки³. И хотя та поездка закончилась аварией, чуть не стоившей Тимуру жизни, Кристине иногда снятся его руки на руле. Сильные и надежные, руки настоящего мужчины. А еще щека Тимура, покрытая легкой щетиной. Здесь, в городе, он всегда гладко выбрит, легкая небритость осталась в Австралии да в Кристининых снах. Но она никогда не даст воли своим грезам, и пресловутая семейственность в коллективе тут вовсе ни при чем. Просто в жизни Кристины и «Кайроса» есть майор Щедрый Андрей Геннадьевич, следователь полиции, которому в трудную минуту, грозившую стать для него последней, Кристина пообещала стать женой⁴. Правда, он в тот момент был без сознания и с тех пор ни разу не обмолвился о данном Кристиной обещании, не потребовал его выполнения. Но он никогда не отказывает «Кайросу» в помощи, даже если это идет вразрез с его должностными инструкциями. А потому Кристина, ставя во главу угла дело, не хочет рисковать разрывом такого выгодного партнерства в угоду своим чувствам.

– Ну вот и все на сегодня. – Кристина закрыла файл, над которым работала, устало потерла переносицу. – Ты долго еще собираешься работать?

Федор не откликнулся. Кристина встала, сделала несколько вращательных движений уставшими плечами, подошла к нему и, оттянув на себя «ухо» наушника, повторила вопрос.

– А... Я?... – встрепенулся Федор, подозрительно быстро сворачивая картинку на мониторе. – Я еще немного! Хорошо?

– Хорошо, – согласилась Кристина. – А я, с твоего разрешения, поеду.

– Конечно! – закивал Лебедев. – Я еще парсек, и тоже побегу.

– Посмотрим на твой парсек. – Под парсеком у Федора подразумевалась не астрономическая единица, а пара секунд. – Не забудь включить сигнализацию!

– Я? Нет... никогда... то есть не забуду!

Выражение глаз Лебедева ясно давало понять, что начальнице необходимо поторапливаться.

Выйдя на улицу, Кристина с наслаждением вдохнула свежий воздух. Какая же благодать на улице! Все-таки зря она отказалась от предложения Тимура. Надо на выходные набиться к нему в гости. Позвать с собой Асю, Ивана, Федора и устроить что-то типа тимбилдинга. Или никого не звать? Только она и Тимур... Нет, неудобно как-то...

Тут Кристина сообразила, что, двигаясь на автомате, идет на стоянку возле торгового центра, хотя сегодня она оставила машину совсем в другом месте. Надо же было так заработать! Если утром парковка показалась ей вполне приличной, то сейчас, идя по абсолютно

³ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Ирины Грин «Чужая лебединая песня».

темной улице, Кристина внутренне ругала себя за чрезмерную любовь к клиентам. Ну что бы случилось, поставь она сегодня утром машину под офисом? За весь день приехал только один Ермолаев, который вовсе и не клиент, да и хватило бы ему места – вряд ли он ездил на КаМАЗе. А вдруг машину на той стоянке заблокировали и ей придется разыскивать водителя, перекрывшего выезд автомобиля?

Внешне все выглядело вполне благополучно – на парковке оставалось еще достаточно мест, и выехать можно было совершенно свободно. Но стоило ей повернуть ключ зажигания, как раздался оглушительный писк – датчик правого переднего колеса показывал нулевое давление в шине. Выйдя из машины, Кристина обнаружила, что колесо спущено. И что теперь делать? Теоретически, конечно, она знала, как его подкачать и даже заменить при необходимости. Но это теоретически. А практически ночью, в чужом, плохо освещенном дворе...

Кристину внезапно охватила острая жалость к себе. Она вернулась в машину, обхватила руль руками и положила на них голову. Стоило закрыть глаза, как опять нахлынули воспоминания, в которых мир заливало светом ласкового солнца, небо было синим-синим, цвели примулы во дворе у Тимура... Негостеприимный двор вдруг поплыл перед глазами. Только слез сейчас не хватало! Слезы – не та вещь, которой можно помочь горю, а тем более машине. Надо как-то добираться домой, а завтра попросить помощи у Ивана. Тут вспомнилось опасение Федора, что Ася с Иваном могут подраться из-за событий сегодняшнего дня. Стоило представить эту картину – агрессивную Асю и испуганно обороняющегося Рыбака, – как на душе стало чуть-чуть полегче. «Прорвемся», – пообещала себе Кристина и отправилась на остановку маршрутки.

Благодаря выделенной полосе для общественного транспорта дорога домой заняла почти столько же времени, сколько на машине. Опять же, в маршрутке можно было преспокойно закрыть глаза и постараться оставить свои неприятности позади, на остановке. Вот только у Кристины это никак не получалось. Придя домой, она почти без сил упала в старое бабушкино кресло с высокой ушастой спинкой – вольтеровское, как называла его бабушка, – и наконец разрешила себе заплакать. Не из-за покаленного колеса, нет, особой привязанности к своему железному коню, «Киа Рио» цвета шампань, Кристина не испытывала. Купила ее по настоянию Рыбака, который считал, что машина для женщины обязательно должна быть крупногабаритной. Автоледи на маленьких машинках подвергают себя большому риску, ведь при любом, даже незначительном, ДТП такие транспортные средства повреждаются сильнее. Сама Кристина выбрала бы что-нибудь покомпактнее, вроде крошки «Део Матиза» цвета морской волны. А еще лучше – ездил бы на общественном транспорте. Ну не страдала она автоманией наподобие Рыбака, у которого любимый «Форд» среди жизненных приоритетов находился на первом месте. Ну, может быть, на втором, после Аси. Она же, Кристина, не сильно бы расстроилась, даже если бы машина вообще пропала. Сейчас она оплакивала свои упущенные возможности, жалела себя.

Когда запас слез начал иссякать, Кристину охватило непреодолимое желание съесть чего-нибудь сладкого. Ничего подобного дома она старалась не держать – хватит с нее офисных плюшек. При ее сидячей работе не успеешь оглянуться, как придется менять гардероб. Но в холодильник на всякий случай заглянула и, к великому своему удовольствию, обнаружила семейную упаковку йогурта. Он не очень сладкий, но его было много, и в конце концов количество перешло в качество, организм получил свою порцию эндорфинов.

Кристина долго не могла уснуть, перебирая четки воспоминаний, и, проснувшись утром, поняла, что безнадежно проспала. Вскочила, и, включив чайник, она побежала умываться, стараясь не смотреть в зеркало, откуда на нее взглянула какая-то панда, опухшая, бледная, с черными полукружками под глазами. Пришлось потратить еще какое-то время, чтобы привести себя в более-менее удобоваримый вид. Но бдительность сотрудников «Кайроса» ее ухищрения не смогли сбить с толку. Подходя к офису, она столкнулась с Асей и Рыбаком, уже успевшими провести рейд тайного покупателя.

– Привет! – Ася ткнулась губами в Кристинину щеку и внимательно всмотрелась в ее лицо. – У тебя все в порядке?

– Не совсем, – поздоровавшись с коллегами, сказала Кристина. – Иван, мне очень нужна твоя помощь.

И, слегка смущаясь, что было для нее абсолютно несвойственно, добавила:

– По личному делу.

Конечно же, Иван не смог отказаться. Отправив Асю в офис и пообещав через пять минут вернуться и все рассказать, Кристина с Рыбаком пошли к злополучной парковке.

– У меня колесо спустило, переднее, – по пути вводила Рыбака в курс дела Кристина. – Пришлось машину бросить.

– Хорошенькое дело – спустило! – заявил Иван, прибыв на место происшествия. – Его кто-то резанул.

– Как резанул?

– Молча! Чем-то острым. Ножичком там, ножницами, лезвием или шматочком битого стекла.

– Как ты определил?

– Да нет, это, как Аська выражается, устойчивое выражение такое.

– Первый раз слышу, – пожалала плечами Кристина. – Наши действия?

– Дыра здоровенная, сантиметров пятнадцать. Шиномонтаж, пожалуй, не возьмет, только менять. Согласна? Я могу поставить.

– Сам? Может, вызвать кого-нибудь? – засомневалась Кристина.

– Да ладно, чего уж там! Обойдемся своими силами. Поставлю запаску и заодно куплю новое колесо. Только домкрат свой возьму. Запаска, надеюсь, имеется?

– Надо в полицию, – сказал Тимур, когда Кристина рассказала о своих вчерашних злоключениях.

Показалось ей или нет, что ее рассказ (конечно, про слезы она умолчала) пробил брешь во всегдашней бесстрастности Тимура? Она определенно видела, как гневно сдвинулись брови Молчанова, а на обращенной к ней идеально выбритой щеке дернулся желвак. И хотя длилось это считанные мгновения, за возможность наблюдать подобное Кристина была почти благодарна неизвестному, испортившему колесо ее «Киа» с помощью... – как там выразился Рыбак? – ножичка, ножниц и шматочка чего-то... надо уточнить, ведь это же устойчивое выражение...

– Да ладно тебе, Михалыч! – продолжал тем временем Рыбак. – Полиция еще колесами резаными не занималась! Поменяю я это чертово колесо. Один хрен, делать нечего. И, главное, не сказать, чтобы кому-то мешала тачка – не на тротуаре, не на газоне, места рядом полно. Ясен пень, какой-то придурок! Ищи его!

– Придурок не придурок, а я все-таки считаю, что нужно обратиться в полицию, – настаивал на своем Тимур.

Тут колокольчик над входной дверью разразился приветственной трелью, и в офис вошел майор Щедрый.

– Андрей, привет! – тут же апеллировал к нему Тимур. – Поддержи меня.

– Разумеется, Михалыч, я всегда готов! А в чем, собственно? – Майор прошел к своему излюбленному месту возле Кристининого стола.

– Кристине кто-то порезал колесо. Я считаю, что нужно написать заявление в полицию. А он, – Тимур кивнул в сторону Рыбака, – против. Говорит, все равно никто не будет этим заниматься.

– Ну, – задумался Щедрый, – с одной стороны, он прав, а с другой... Пошли, Вань, ориентируешь меня на местности.

Рыбак и Щедрый ушли, и Кристина только сейчас обратила внимание на необычное поведение Аси и Федора. В том, что Ася после рейда в первую очередь присаживалась за стол Федора, чтобы он обработал их с Иваном записи, ничего необычного не было. Но, во-первых, наушники Федора впервые переключали на Асину голову, а во-вторых, она очень внимательно рассматривала происходящее на экране, как будто не сама была участницей событий, а видела что-то новое и очень интересное.

– Федор? – спросила Кристина, зная, что к Асе обращаться без толку, она все равно не услышит из-за наушников. – А мне покажешь?

– Конечно, Кристина Сергеевна! – Лебедев вскочил, предлагая ей занять его место. – Присаживайтесь. Я сейчас сначала поставлю! Хорошо, Ася?

Ася оторвала глаз от монитора и непонимающе посмотрела на Кристину.

– Что?

– Я перемотаю на начало, хорошо? Кристина Сергеевна тоже хочет посмотреть, – и, не дожидаясь ответа Аси, Федор склонился над столом.

Первые несколько секунд Кристина не могла понять, что происходит на экране. Но тут Федор переключил звук с наушников на колонки, и она услышала женский голос, до того резкий и напряженный, что вполне можно порезаться.

– Меня зовут Кира, – произнесла женщина, и Кристина невольно затаила дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова.

– Иван. – Рыбак в кадр не попал, был слышен только его голос. – Присаживайтесь. Хотите кофе?

– Нет, спасибо! – Она резко села, и теперь видны были только ее руки, постоянно находившиеся в движении. Казалось, она не знала, куда их деть, и потому то разминала пальцы, словно пытаясь согреть их, то дергала ручку сумочки, то разглаживала юбку на коленях.

Слушая сбивчивую речь девушки, Кристина не могла не отдать должное терпению, с которым Рыбак разговаривал с посетительницей. Тон его был уважительным и доброжелательным. Будь Кристина сама на его месте, наверняка построила бы беседу в таком же ключе. Понятно, что, когда зашел разговор о деньгах, она смогла бы назвать конкретную сумму, и, может быть, девушка не убежала бы, испугавшись непомерных затрат. Но Рыбак финансовыми вопросами не владел, а потому ответил в пределах своей компетенции. Нет, зря они на него вчера напали. Когда вернется, нужно еще раз всем вместе посмотреть запись и обсудить, а то как-то не очень хорошо говорить о человеке в его отсутствие. Кристина даже на часы посмотрела, как будто этот жест мог ускорить приход Ивана.

– Спасибо, Федор! – сказала она, возвращаясь на свое рабочее место. – Не знала, что у нас так долго хранятся записи с камер наблюдения.

– Долго, – подтвердил Федор. – У меня просто есть специальная программка для администрирования архива – удаляет все, что сочтет нужным. То есть ненужным. Или нужным? Короче, удаляет. Я вчера копнул на всякий случай – вдруг повезет. И вот!

– Отлично! – Кристина снова посмотрела на часы. Что-то Рыбак с Щедрым задерживаются.

Глава 3

Ивану возвращаться в офис не хотелось. Гораздо большее удовольствие ему доставила бы покупка нового колеса для Кристининого автомобиля. Но у Щедрого на этот счет были другие планы. Наконец-то майору представилась возможность продемонстрировать генеральному директору «Кайроса» свои сыщицкие возможности. Ему хотелось поймать злодея, посмеявшегося огорчить его любимую женщину, и заставить возместить причиненный ущерб. И даже вид злополучной парковки, где поблизости не имелось ни камер видеонаблюдения, ни лавочек с недремлющими бабушками, не умерил его пыла.

– Предлагаю сходить к участковому, – сказал он Рыбаку.

– Да брось ты, Геннадьич, – отмахнулся Иван. – Толку в этом походе? Только парней зря грузить. Ну не понравилась машинка алкашам местным. Может, колер не тот, может, солнце она им заслоняла. По-любому, обращаться надо было вчера, по горячим следам. А сейчас... К тому же случай явно нестраховой. Оплачивать ремонт никто не будет.

– Вот из-за таких несознательных, как ты... А вдруг вчера не только Кристинина машина пострадала, а был массовый случай вандализма и кто-то уже подал заявления? Тогда можно будет объединить дела в одно производство. И вообще, почему никого не беспокоит безопасность вашей начальницы? Почему она оставляет машину невесть где? А вдруг это не просто хулиганский поступок, а месть кого-то из обиженных клиентов? Ведь наверняка у вас такие имеются.

– Имеются! – подтвердил Рыбак. – Как раз вчера один тип приходил, мать его! Шумел, угрожал. Аська со мной теперь не разговаривает.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Щедрый, – что за тип?

Иван вкратце рассказал о вчерашнем происшествии.

– Вряд ли колесо – его рук дело. Разве что он заранее готовился, наводил справки. Да и то – откуда он мог узнать, что Кристина поставит машину именно в этом дворе? А как, говоришь, зовут этого гражданина? Думаю, пообщаться с ним не мешает.

– Ермолаев. Глеб Ермолаев.

– Ермолаев? – Майор задумался. – Где-то я уже сегодня слышал эту фамилию. Постойка! Это не тот Ермолаев, что вчера протаранил «Депозит-банк»?

– Как – протаранил? – не поверил своим ушам Рыбак. – Что значит – протаранил?

– А то и значит! На Кутузовской – знаешь, где перекресток с Корабельной? – Иван кивнул. – Второй дом справа, весь этаж – сплошная стеклянная витрина. И этот Ермолаев ни с того ни с сего вдруг раз – и въезжает в нее. Осколки во все стороны, сирена воеет, народ кто в обмороке, кто с телефонами лезет, придурки, – фотографировать и селфи делать... Картина маслом, одним словом.

– А что Ермолаев?

– В больнице. Хорошо хоть, скорость была небольшая.

– Ты только нашим про это не говори, хорошо? А то Аська расстроится. Знаешь же какая она впечатлительная. Для нее раз человек побывал у нас в офисе, значит, почти родственник.

Однако по возвращении в офис Тимур встретил майора вопросом:

– Андрей, ты слышал что-нибудь по поводу «Депозит-банка»?

Как бывший банкир, Молчанов всегда был в курсе происшествий в финансовых учреждениях города.

Щедрый посмотрел на Рыбака, пожал плечами, словно говоря: «Прости, Ваня!», и ответил:

– Наверное, я слышал практически то же, Михалыч, что и ты. Мужчина выбрал такой вот нестандартный способ воспользоваться банковскими услугами. – Щедрый хотел пошутить, но вышло как-то плоско, по-дурацки, поэтому он добавил: – Насколько мне известно, никто сильно не пострадал. Госпитализирован только водитель, остальные – и работники банка, и посетители – отделались легким испугом.

– И как водитель объясняет случившееся? – спросил Молчанов.

– Я не в курсе, но могу уточнить, – обрадовался возможности хоть в чем-то быть полезным Щедрый и потянулся за телефоном. – Сидоров, – сказал он, дождавшись ответа, – ты часом не в курсе, Ермолаев пришел в себя?

Только слепой не заметил бы, как заинтересованно посмотрела на майора Кристина, когда он назвал фамилию пострадавшего в аварии на Кутузовской.

– Нет? А что врачи говорят? Ага. Понял... Понял... Да... Хорошо...

– Ты сказал, фамилия этого человека Ермолаев? – спросила Кристина, когда майор закончил разговор.

– Да, – подтвердил он, – Ермолаев.

– Случайно не Глеб? – расстроено спросила Ася.

– Да, – согласился Щедрый, – Глеб Ермолаев.

– И что врачи говорят? – спросила Ася, подходя ближе к Кристиному столу.

– А что они могут сказать? Жить будет, но не скоро. Переломы, травмы, глубокие порезы – целый букет неприятностей заработал на свою голову. Плюс банк может иск вчинить. Хотя платить, скорее всего, будет страховая.

– А может, он решил таким образом свести счеты с жизнью? – задумчиво предположила Ася.

– С чего вдруг такие мысли? – удивился Щедрый, а Рыбак зло добавил:

– Такие, как он, на ерунду типа самоубийств не размениваются.

– И все-таки? – Щедрый ждал Асиного ответа.

– У него недавно жена умерла, а он, как я поняла, очень сильно ее любил. Вдруг он не смог смириться с потерей?

– Жена умерла? – задумчиво произнес майор. – Недавно? Как?

– Не знаю. – Ася пожала плечами. – Он сказал – убили.

– Убили, говоришь? Давно?

Ася снова пожала плечами.

– Давно? – Щедрый посмотрел на Кристину.

– Трудно сказать, – ответила та. – Двадцать шестого мая она точно была жива. Получается, промежуток почти в месяц.

– Не особо большой. А фамилия у нее тоже Ермолаева? – Майор потер лоб пальцами. – Что-то я не припоминаю. Момент.

Он набрал номер все того же Сидорова, но тот, похоже, не очень обрадовался звонку.

– Обед? – переспросил Щедрый и посмотрел на часы. – Везет же некоторым. Ладно, как пообедаете, перезвони. Хорошо?

Майор опустил телефон в карман.

– Засиделся я тут с вами, однако. А что, кофе в этом доме уже не наливают?

После того как с кофе было покончено, Щедрый вежливо откланялся, пообещав при наличии хоть каких-нибудь сведений, касающихся Ермолаева и его жены, тут же сообщить работникам «Кайроса». Следом за ним отправился в автомагазин Рыбак.

Ася занялась отчетом, но мысль о злополучной судьбе Глеба Ермолаева и его жены не оставляла ее в покое, не давала сосредоточиться.

– Одна я считаю, что мы все-таки должны помочь Ермолаеву узнать, что случилось с его женой? – наконец решила она озвучить терзающие ее мысли.

– И я! – тут же отозвался Лебедев. – Вот только я прошерстил городские новости начиная с конца мая и не нашел упоминания о смерти Киры Ермолаевой. И вообще практически ничего не нашел. Из соцсетей у нее только страничка на Фейсбуке, куда она отзеркаливает информацию с аккаунтов Наташи Осиповой. Ни одной личной фотографии или записи, ни слов прощания от школьных друзей и родственников. Полный вакуум. Прямо какая-то женщина без прошлого.

– И уже без будущего, – грустно добавила Ася.

– Насколько я понял, – отозвался Тимур, – Кира и Глеб – люди не публичные. Вполне вероятно, что он не захотел предавать огласке смерть жены. Может, страничку кто-то редактирует. Та же Наташа.

Кристине не верилось, что Лебедев – Лебедев! – не смог найти интересующую его информацию. Скорее всего, в голове у неугомонного программиста зреет какая-то идея, которую он вот-вот выдаст на-гора. И она оказалась права.

– Думаю, – вкрадчиво начал Федор, – может, стоит прогуляться в «Плазу»? Посмотреть, чем дышит «Вольный ветер», и понаблюдать за лысыми синегалстучными допельгангерами.

– Это еще зачем? – возмутилась Кристина. – Ермолаев не является нашим клиентом. Тебе заняться нечем?

– Да есть мне чем заняться. Только надоело все, одно и то же. А тут... Интересно все-таки.

– Не разделяю твоего интереса, – отрезала Кристина и уже было погрузилась в аналитический обзор для одного из клиентов «Кайроса», как вдруг Ася, до этого с нарочитой внимательностью изучавшая свой отчет, произнесла:

– А я разделяю.

Как всегда, говорила она тихо, но не услышал бы эту фразу только совершенно глухой.

В поисках поддержки Кристина обратила взгляд в сторону Молчанова. Уж кто-кто, а он точно будет на ее стороне! Но Тимур только пожал плечами:

– А почему бы и нет? Хочется – сбегай.

– Мы вдвоем, – обрадовался неожиданной поддержке Лебедев. – С Асей. У нее лучше получается с этими... С разными...

Ася согласно закивала.

Кристина нахмурилась. Час от часу не легче. Просто какой-то бунт на корабле. Не иначе как эти двое уже все между собой решили. Конечно, можно было бы отпустить их, но тогда Рыбак, категорически не желавший, чтобы Ася принимала участие в каких-либо посторонних мероприятиях, будет, мягко говоря, недоволен. Еще, чего доброго, решит, что Кристина специально испортила машину, чтобы убрать его из офиса в момент принятия решения.

Тем временем бунт крепчал, набирал силу. Чувствуя молчаливую поддержку со стороны Тимура, Лебедев заявил:

– Предлагаю поставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы мы с Асей поехали в «Плазу»?

Кристина была уверена, что Тимур, всегда поддерживавший ее, не изменит своим принципам и на этот раз. Но рисковать почему-то не хотелось. А вдруг он, вопреки обыкновению, возьмет сторону Аси с Лебедевым, и она останется в меньшинстве? Стоило только предположить такой вариант развития событий, как вчерашняя жалость к себе подняла голову словно ядовитая змея и начала угрожающе шипеть и раскачиваться. Кристина мысленно сосчитала до десяти, и змея выжидающе притихла. Да пусть себе идут! Только нужно поставить жесткие временные рамки, чтобы обязательно вернулись до прихода Рыбака.

– Стоп! – остановила Кристина Лебедева. – Пока что директор здесь я, и решение принимать буду тоже я. Голосовать неполным составом мы не будем. Интересует вас судьба жены

Ермолаева? Давайте поезжайте. Но до трех часов, кровь из носу, вы должны быть на рабочем месте. Иначе я позвоню Щедрому и попрошу этапировать вас в офис.

Тут она улыбнулась, и Ася, довольная решением подруги, подбежала и чмокнула ее в щеку.

– Спасибо! Ты даже не представляешь, как мне нужно знать, что мы не виноваты в смерти этой девушки.

Будь на месте Аси кто-нибудь другой, обладавший менее тонкой душевной организацией, Кристина с удовольствием нашла бы море аргументов в защиту «Кайроса». Но Ася была Асей, и Кристине пришлось отказать себе в этом удовольствии: переубедить Асю так же сложно, как увести барана от новых ворот.

Ася с Лебедевым не стали терять время. Не прошло и двух минут, как колокольчик над дверью попрощался с ними на свой звонкий манер.

Кристина погрузилась в отчет, но мысли не хотели погружаться вместе с ней. Они так и норовили уйти в сторону такого болезненного для своей хозяйки вопроса – поддержал бы ее Тимур или нет. Кристина бросила взгляд на зама, но тот что-то читал в своем компьютере. Нет, так не годится! Чем терять понапрасну время, лучше прямо спросить.

– Тимур! – Молчанов оторвал взгляд от монитора, и вдруг губы его, абсолютно неулыбчивые, дрогнули, а карие глаза блеснули самой что ни на есть настоящей нежностью.

И вместо заготовленной тирады Кристина произнесла:

– Может, кофе?

Глава 4

От офиса «Кайроса» до «Плазы» вполне можно было пробежаться пешком, и Федор, будучи один, так и поступил бы. Но он не знал, как отнесется к пробежке Ася, поэтому сразу направился к остановке маршрутки.

Охранник «Плазы», парень в форменной голубой рубашке с синими погонами, клапанами нагрудных карманов и таким же синим галстуком, не обратил на них никакого внимания, но Федор все-таки счел нужным сообщить:

– Мы в «Веселый ветер».

– Проходите, проходите, – кивнул охранник, посмотрел на Асю и так лучезарно улыбнулся, что Лебедев тут же невзлюбил его.

– Ты заметил, – шепнула Ася, когда они подошли к лифту, – что охранник не лысый и не толстый, но галстук у него синий?

– И что? – рассеянно спросил Федор, оглянувшись на вахтера.

– Ну как – что? Кира сказала, что и охранник, и детектив, и директор «Плазы» все были на одно лицо, толстые, лысые и с одинаковыми галстуками. Пока совпадает только галстук.

Тут Федор подумал, что, наверное, выглядит в Асиных глазах дурак дураком – она все видит, все замечает, а он неизвестно о чем думает.

– Мне кажется, – собрав мысли в кулак, заявил он, – что какие-либо выводы делать рано. Охранники работают посменно. Может, тот, что нас интересует, будет завтра, например. Надо посмотреть на остальных кандидатов в допельгангеры – директора и детектива.

– Ты прав, – от этих слов на душе программиста стало легко и приятно.

– Но сначала – в «Вольный ветер», – скомандовал он, нажимая на кнопку нужного этажа.

Офис «Веселого ветра» Асе очень понравился. Было в нем нечто, порождающее в душе даже такой заядлой домоседки, какой она себя считала до сих пор, прямо-таки онегинское беспокойство и охоту к перемене мест. Понравилась ей и единственная сотрудница «Веселого ветра», симпатичная блондинка с располагающей улыбкой. Белоснежная блузка с воротничком-стойкой и легкая небрежность прически вызвали ассоциацию с тем самым ветром. При виде Аси с Федором девушка встала и вышла из-за стола, и это Асе тоже очень понравилось. Она даже подумала, что им в «Кайросе» нужно взять за правило приветствовать новых клиентов подобным образом.

– Здравствуйте! – сказала девушка. – Чем я могу быть вам полезна?

И тут Ася поняла, что не знает, с чего начать разговор. По-хорошему, нужно было обдумать это заранее, может, даже решить, кто какие вопросы станет задавать. Но уж очень спонтанно все произошло, и теперь приходилось импровизировать. В поисках поддержки она краем глаза посмотрела на Федора, но тот буквально приклеился взглядом к стройной фигурке девушки и, похоже, забыл, зачем они вообще здесь оказались. Тем временем пауза затягивалась, и дальнейшее молчание казалось просто ненормальным. Сначала у Аси мелькнула мысль сказать, что они с Федором хотят куда-нибудь поехать, но потом решила, что лучше придумать что-нибудь более правдоподобное.

– Здравствуйте, – сказала она и, вспомнив, как в подобных случаях поступает Кристина, протянула руку.

Если сотрудницу «Веселого ветра» и смутил подобный жест, больше присущий мужчинам, виду она не подала и ответила крепким рукопожатием. Тут Лебедев опомнился и тоже облапил своими длиннющими пальцами тонкую ладонь работницы турфирмы.

– Меня зовут Ася, детективное агентство «Кайрос», это мой коллега, Федор, – продолжала тем временем Ася.

– Наташа, – представилась девушка и переспросила: – «Кайрос»?

– Да, – подтвердила Ася и с удовлетворением отметила, что Наташа понимающе кивнула. Значит, название фирмы ей знакомо, или, по крайней мере, слышит она его не в первый раз.

Наташа вернулась на свое рабочее место и жестом гостеприимной хозяйки пригласила Асю и Лебедева расположиться в удобных креслах, предназначенных для посетителей.

– Вы по поводу Киры? – спросила Наташа.

– Да, – поспешила ответить Ася, видя, что Лебедев порывается что-то сказать. – Ужасная история. Мы познакомились в мае. Она обратилась в наше агентство с просьбой помочь ей в одном вопросе. Вы, наверное, догадываетесь, в каком?

– К сожалению, – Наташа опустила глаза. – Кира была очень скрытным человеком. То есть, конечно, она не являлась таким интровертом, полностью погруженным в себя. Она была общительной, отлично ладила с клиентами. Но что касалось личной жизни... Я всегда думала, что она сирота. И вдруг откуда ни возьмись появляется этот ее отец с новой семьей, какое-то наследство, какие-то родственники, о существовании которых она вроде как не догадывалась. Хотя разве такое бывает? А еще... Я не уверена, но, кажется, у нее был ребенок. Я, конечно, Глебу... Глебу Васильевичу ничего не говорила, но если он действительно есть – ребенок этот, ему ведь наверняка нужны деньги. То есть не ему, а тому, кто его растит. И, по-хорошему, этого человека нужно найти...

– Ребенок? – переспросила Ася. – А почему вы так решили? Насчет ребенка? – Она не сводила с Наташи внимательных глаз. – Кира что-то говорила?

– Нет, что вы! Молчала как рыба. Вот только каждую пятницу она куда-то ездила. И деньги забирала из кассы. Все что были, под ноль. Как думаете, нужно рассказать об этом ее мужу?

– Думаю, он сейчас не в том состоянии, – сказала Ася. – Вы же в курсе, что случилось с Глебом Васильевичем?

– Да. – Наташа прикусила губу. – Он вчера заезжал... Я перед этим видела его на похоронах, но поговорить не получилось – все время мама его рядом была, опекала как маленького. И как выяснилось – не зря. Сразу после похорон у него случился сердечный приступ, и он попал в больницу.

Ася внимательно слушала, периодически кивая, словно все это она прекрасно знает.

– Я звонила, – продолжала Наташа, – почти каждый день. Секретарша его обещала сообщить, когда он пойдет на поправку.

– А почему звонили? – спросила Ася.

– Ну как же? Фирма эта Кире принадлежит... принадлежала. А если ее не стало, значит, нужен новый директор. Должен же кто-то руководить, решать вопросы. Получается, все подвисло, и я не знала, что теперь будет с нашим «Ветром» и со мной. Сижу, переживаю. И тут вчера раз – Глеб Васильевич заходит... И все сразу разрешилось. «Ветер» продолжает работать, я – директор. Человека надо взять на работу, помощницу.

– Ну вот, видите, как хорошо, – порадовалась за нее Ася.

– Хорошо, да не очень, – горестно всхлипнула Наташа. – Это было вчера, а сегодня я узнала...

Девушка замолчала, и Ася пришла ей на помощь:

– Об аварии?

– Да, – кивнула Наташа и снова всхлипнула.

– Кстати, как он? – придумал наконец что спросить Федор.

– Плохо, – Наташа покачала головой. – Я утром позвонила ему, а секретарша сказала, что он в больнице, в очень тяжелом состоянии, и к нему даже мать не пускают. Она сидит в коридоре, и Алла – это секретаршу так зовут – собирается везти ей обед. Она пообещала перезвонить, как вернется. Вот я сижу и жду.

– А Ермолаев вчера о чем еще говорил? – спросил Федор.

– О чем? – Наташа задумалась. – Да ни о чем больше. Забрал Кирин ежедневник и ушел.

– У меня еще последний вопрос, можно? – спросила Ася.

– Конечно.

– Кира говорила с вами про нашу фирму?

– Как сказать... Открытым текстом – нет. Просто однажды, это было еще до истории с наследством, она спросила, знаю ли я какое-нибудь детективное агентство.

– И вы...

– Я – нет. Я сказала, что не знаю, но у нас в «Плазе» вроде есть что-то подобное. Но она прямо как будто испугалась. Нет, говорит, туда я точно не пойду. А потом она спросила, знаю ли я, что такое «Кайрос». Она как раз перед этим снова уезжала, причем это была внеплановая поездка. Обычно она исчезала по пятницам, а тут сорвалась в среду утром, после телефонного звонка. И вообще она была очень странной. И поэтому, когда она уехала, я посмотрела ее ежедневник. Вы не подумайте, что я шпионила за ней...

Федор замотал головой, а Ася поспешила уверить Наташу, что ничего подобного они и в мыслях не держали.

– В ежедневнике было написано это слово – «Кайрос». Я покопалась в интернете и кроме всего прочего нашла ваше агентство. Конечно, я тогда не была на сто процентов уверена, что это именно тот «Кайрос», но когда вы пришли... – Наташа развела руками.

– Спасибо большое. – Ася встала. – Вы нам очень помогли. Можно будет, если возникнут какие-нибудь вопросы, позвонить вам?

– Конечно. – Наташа взяла со стола визитку и протянула ее Асе.

– И мне, пожалуйста, – обиженным тоном попросил Лебедев.

– Да, пожалуйста, – смутившись, Наташа дала визитку и ему.

– А это моя. – Лебедев важно выложил на стол перед девушкой карточку. – Если вдруг что – звоните. В любое время.

– Пойдем. – Асе пришлось чуть ли не силой вытаскивать вошедшего в роль детектива Федора из офиса «Веселого ветра».

– Ну ты чего! – возмутился Лебедев, когда они оказались возле дверей лифта. – Ничего же толком не узнали!

– Мы же не должны показать, что нам ничего не известно ни про Киру, ни про Ермолаева. Сейчас Наташа считает, что мы работали на Киру. И чем дольше она останется в неведении, тем лучше.

– Уверена? – засомневался Лебедев.

– Не очень, – призналась Ася.

Тут перед ними с шумом открылся лифт, Федор заскочил внутрь и нажал на кнопку с цифрой 3.

– Мы куда? – удивилась Ася.

– Как куда? Поедем знакомиться с коллегой, детективом Ивановым.

Глава 5

Интерьер детективного агентства «Иванов» разительно отличался от офиса «Веселого ветра». Голые стены, выдавший виды лакированный стол и такая же стенка родом, не иначе как из СССР, с несколькими разномастными папками на пустых полках.

В отличие от Наташи Осиповой сидевший за столом мужчина не подумал встать при виде гостей, а тем более предлагать им сесть на деревянные стулья с гнутыми ножками. Кажется, такие называют венскими.

– Здравствуйте! – сказала Ася.

– Здравствуйте, – буркнул Федор.

Мужчина не ответил, пристально рассматривая незваных гостей.

– Нам нужен Иванов, – растерянно произнесла Ася.

– По какому вопросу? – несколько развязным тоном поинтересовался мужчина.

Этот тип явно не соответствовал описанию Киры – короткие черные волосы, вытянутое лицо с ввалившимися щеками и отсутствие даже намека на галстук. Глядя на его мягкую толстовку, больше смахивающую на пижаму, чем на офисный костюм, не верилось, что его шея вообще знакома с подобным аксессуаром.

– Дело в том, что... – Ася запнулась, даже не зная что сказать.

– Наша подруга обращалась к нему, – внезапно нашелся Лебедев. – Кира Ермолаева.

– М-м-м... Кира? – словно пробуя имя на вкус, произнес мужчина. – Ермолаева? Не помню. А по какому вопросу?

– Подождите, то есть Иванов – это вы? – наконец-то поняла Ася.

– Ну а чего бы я тут сидел, спрашивается? Так что за подруга? Когда обращалась?

– В мае, – наобум сказала Ася.

– Ну нет, в мае точно не могла обращаться.

– Наверное, я перепутала, не в мае. Конечно, не в мае! В апреле!

– Уверены?

Этот Иванов или не Иванов, похоже, развлекался, глядя на растерянные лица посетителей.

– Не очень, – призналась Ася. – Она просто сказала, что заходила к вам, а когда конкретно, не уточнила.

– И чего же она хотела, эта ваша Кира Ермолаева?

– А вы точно Иванов? – сделав шаг вперед, так, что Ася оказалась у него за спиной, спросил Лебедев.

– Тебе документы показать? – Мужчина вдруг вскочил, и Лебедев невольно попятился назад, наступив при этом Асе на ногу.

– Вы нас простите, – застонала она от боли, и получилось это так естественно и жалобно, что Иванов мгновенно успокоился и уселся обратно, Ася же тем временем продолжала: – Просто она сказала, что вы толстый, лысый и с синим галстуком.

– Толстый! – заржал Иванов. – Лысый!

Он запустил пятерню в шевелюру и взъерошил волосы, отчего в облике его появилось что-то волчье.

– Я понял! Эта ваша Кира перепутала меня с Пермяковым. Это хозяин местный. Он тут самый толстый и лысый. А я, как видите, не прохожу по всем параметрам.

– Пермяков? – переспросила Ася.

– Да, Генка Пермяков по кличке Пермяк. И, кстати, с конца марта по начало июня меня здесь не было. Уезжал по делам. Так что подруга ваша никак не могла в это время со мной общаться.

– С-с-спасибо! – Ася попятилась и, видя, что Лебедев прирос к месту, ухватила его за полу куртки и потянула за собой. – Спасибо!

– Уголовник он, что ли? – спросил Лебедев, когда они оказались в относительной безопасности лифта.

– Кто? – спросила Ася.

– Пермьяков.

– С чего ты взял?

– Ну, раз у него кличка...

– Это ничего не значит. Клички и в школе бывают, и в институте. Да мало ли где...

– А у тебя какая была кличка?

Ася задумалась. Да не было особо никакой клички. Аська и Аська.

– А у тебя?

Двери лифта разъехались, и Ася с Лебедевым оказались лицом к лицу с невысоким типом с маленькими злыми глазками, так и норовившими просверлить дырку в обоих сыщиках одновременно. Волосы на голове мужчины полностью отсутствовали, что позволило Асе предположить: это и есть тот самый Пермьяк, о котором они только что разговаривали с Ивановым. И, чтобы убедиться в собственной правоте, она радостно произнесла:

– Здравствуйте, Геннадий... – отчества Пермьякова Ася не знала, поэтому замолчала.

– Игоревич! – буркнул тот. – Вы вверх?

– Нет, мы выходим! Пошли, Федор!

– Это же был Пермьяков? – спросила Ася у охранника.

– Так точно, – с нескрываемой досадой ответил тот.

За время, пока Ася с Федором знакомилась с обитателями «Плазы», доблестного секьюрити словно подменили. Если поначалу он откровенно пялился на Асю, то теперь в его глазах явственно читалось: «Шли бы вы отсюда». Очевидно, ему не понравилось, что они попались на глаза высокому начальству. А вдруг они из племени настырных продавцов, что терроризируют обитателей офисов, навязывая свои товары, а он проморгал, не пресек их вторжение на вверенную ему территорию. В другое время Асю это обстоятельство огорчило бы, но только не сейчас. Ей просто необходимо было задать интересующий ее вопрос.

– Надо же! А здесь у вас работал охранник – прямо одно лицо с ним. Такой же упитанный, лысый и галстук как у вас. Красивый...

– Галстук – это форма. Он у всех наших одинаковый. А насчет упитанности – это вы что-то путаете, гражданка.

– Да нет же, – настаивала Ася, с восхищением глядя в глаза секьюрити. – Я точно помню. И кармашки такие же, и погончики.

Она протянула руку, словно собираясь потрогать погон форменной рубашки охранника, и он инстинктивно отпрянул.

– У нас в отряде толстых нет и не было никогда, – заявил он, как припечатал. – Наш командир – сторонник здорового образа жизни, и никому спуска не дает. Пузанов-отставников на работу не берет, отсеивает уже на стадии резюме.

– И все-таки... – не желала сдаваться Ася.

Тут за ее спиной пришла в движение и зашуршала по полу карусельная дверь.

– Пройдите, гражданка, – категоричным тоном потребовал охранник, – не стойте на проходе.

Ася вышла на улицу мрачная, терзаемая чувством неудовольственного любопытства – настолько сильным, что его можно было заметить невооруженным глазом. А если этот глаз к тому же смотрел сквозь лупу влюбленности, подобно лебедевскому, то у его обладателя просто

не могло не возникнуть желания пойти на что угодно: на любой риск, безумство, проявить геройство, но помочь это любопытство удовлетворить.

– Ась, – сказал Федор, неловко беря девушку под руку, – не расстраивайся. Я тебе к утру нарою информацию про всех этих типов – и Иванова, и Пермякова, и толстолысого неизвестного с синим галстуком. Чесслово, нарою.

– Хорошо. – Лицо ее слегка посветлело.

Освободившись из лебедевского захвата, Ася сама взяла его под руку, отчего душа программиста обрадовалась, и парочка побежала на маршрутку.

Глава 6

– Значит, вы считаете, что история насчет похожих людей – охранника, детектива и собственного «Плазы» – фейк? – спросила Кристина, когда Ася с Лебедевым наперегонки рассказали историю посещения бизнес-центра. – Ермолаева все это выдумала?

Ася пожала плечами, а Лебедев уверенно заявил:

– Самый что ни на есть!

– Но зачем ей это было нужно? – задумчиво произнесла Кристина и посмотрела на Молчанова.

– Я бы не был так категоричен, – после непродолжительной паузы ответил тот. – На видео девушка вполне убедительна. Одно из двух – либо она отличная актриса, либо кто-то сознательно вводил ее в заблуждение.

– Актриса! – Кристина вспомнила беспокойные руки Киры.

– Меня больше беспокоит ребенок, о котором говорила Наташа, – сказала Ася.

– Ну, предположим, насчет ребенка это только гипотеза... – произнесла Кристина, но Ася не дала ей закончить мысль.

– Гипотеза или нет, мы должны ее проверить, – с горячностью заявила она.

Кристина вытащила из принтера чистый лист бумаги.

– Для этого мы должны выяснить, чем она занималась до замужества, – она поставила на листе цифру 1, обвела ее в кружок, а рядом написала: «Кира до Ермолаева». – Два, попытаться выяснить, куда она каждую пятницу ездила и кому платила деньги.

На листке появилась двойка в кружке и лаконичная надпись: «Поездки». Кристина покусала губу и написала правее и выше «поездок» слово «ребенок».

– Кстати, деньги платить можно не только ребенку, – сказала она, немного подумав, и пририсовала после слова «ребенок» жирный вопросительный знак.

– Шантаж? – предположил Молчанов.

– Да, – согласилась Кристина, и под словом «ребенок» дописала «шантаж», а еще ниже: «долг», «кредит», «ипотека». – И еще насчет наследства, которое, по словам Наташи, она получила незадолго до смерти.

Она нарисовала тройку и рядом написала: «Наследство».

– У кого будут еще предложения? – спросила она, обводя взглядом коллег.

– Хочешь сказать, – Асины глаза радостно заблестели, – что мы...

– Мы будем расследовать Ермолаевых! – радостно закончил за нее Лебедев.

Ася слегка поморщилась – ее, как выпускницу филологического отделения, смущало подобное построение фразы, но суть Федор выразил верно. Слово было за Кристиной, и она не стала испытывать терпение коллег.

– Будем!

Тут колокольчик над входной дверью взорвался приветственной трелью, извещая о приходе Рыбака, и обсуждение дела Ермолаевых пришлось отложить.

Иван возвращался в офис со смешанным чувством. С одной стороны, он гордился собой, пусть даже предметом гордости была банальная смена колеса, с другой – боялся Асиного настроения. Вдруг за время его отсутствия произошло еще что-нибудь, вдребезги разбившее отношения, которые они с Асей выстраивали день за днем и которые он – вот дуботряс! – наивно считал практически вечными и нерушимыми. И вот на! Из-за какой-то сумасшедшей девицы все пошло вразнос.

Первое, что бросилось в глаза Рыбаку, стоило ему переступить порог, – растерянность в Асиных глазах. Не успел он понять, что такое могло случиться за время его не столь про-

должительного отсутствия, как она, к вящей его радости, пробормотала что-то насчет кофе и опрометью бросилась к кофемашине. «Жизнь удалась!» – обрадовался Рыбак, и даже просьба Лебедева налить и ему чашечку не в состоянии была омрачить эту радость. Однако длилась эта радость недолго. Уж слишком нарочито радужной была Асина улыбка, да и Кристина выглядела немного смущенной. На Тимура можно было не смотреть: с его абсолютно непроницаемым лицом хорошо играть в покер – противник ни за что не догадается, что он блефует.

– Рассказывайте, – положив на Кристинин стол ключи от машины, скомандовал Рыбак.

Несколько секунд коллеги (исключая, разумеется, Молчанова) обменивались многозначительными взглядами, словно жулики, пойманные на горячем. Затем Кристина сказала:

– Мы решили все-таки разобраться с этим делом... С доппельгангерами...

– Решили, значит. – В голосе Ивана явственно звучала горечь. – И проголосовали небось...

Ася замотала головой, а Кристина уверенным тоном заявила:

– Нет. Я считаю, что голосовать неполным составом некорректно.

– Ну да, само собой, – с сарказмом согласился Иван. – И как же вы претворяли в жизнь это свое решение?

Отвечать на вопрос, заданный подобным тоном, Кристина не собиралась, предоставив сделать это главным зачинщикам. И тогда Ася, сбиваясь и перескакивая с пятого на десятое, начала рассказывать о поездке с Федором в «Плазу» и о плане, предложенном Кристиной.

Рыбак молча кивал, но, когда она упомянула о наследстве, мгновенно принял стойку:

– Наследство, говоришь? Что за наследство?

– Я не знаю. – Ася пожала плечами. – Она не сказала. Правда, Федор?

Лебедев закивал:

– Не сказала... Иван Станиславович, вы, может, печенья хотите?

И он нырнул под стол, делая вид, что ищет чем бы таким особенным угостить Рыбака.

– К черту печенья, – взревел Иван, и Кристина заметила, что Ася вот-вот заплачет.

Она похлопала ладонью по столу, призывая разошедшегося Рыбака к порядку.

– Иван, сбавь тон! Да, получилось немного спонтанно, но все-таки нам удалось выяснить, что детектив Иванов не похож на человека, которого описала Ермолаева, и в охране «Плазы» нет толстых и лысых сотрудников. То есть либо Ермолаева вводила в заблуждение тебя, либо кто-то вводил в заблуждение Ермолаеву.

– И как вы предлагаете разобраться, какой вариант имел место быть? – Рыбак, склонив набок голову, посмотрел на Асю.

Она огорченно покачала головой:

– Не знаю. Мне кажется, что она могла в детстве заниматься в театральной студии. Как Алиса, помнишь?

Тут Ася испуганно посмотрела на Федора, вынырнувшего из-под стола с упаковкой имбирных пряников. Алиса была девушкой, когда-то разбившей сердце Лебедева, после чего он сбежал в Индию⁵. Наверное, не стоило будить в нем грустные воспоминания.

Но Федор даже глазом не моргнул. Очевидно, лекарство в виде шума океанского прибоя, прописанное лучшим доктором всех времен и народов по имени Время, помогло ему забыть девушку, постучавшую когда-то ночью в его дверь.

– Пряники. – Федор положил перед Иваном угощение.

Рыбак строго зыркнул на него, но от пряников не отказался – разодрал пакет и вытащил один. В офисе тут же запахло уютом домашнего очага.

«Ну и коллектив», – думала Кристина, глядя на насупленно жующего пряник Рыбака. Эта тройца – Иван, Ася и Федор – напомнила ей детскую загадку о лодочнике, которому нужно в

⁵ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Чужая лебединая песня».

двухместной лодке перевезти на другой берег волка, козу и капусту. При этом нельзя оставить наедине волка с козой и козу с капустой. Как хочешь, так и выкручивайся.

– Короче, – подвел черту Рыбак, шумно отхлебнув успевший остыть кофе, – вы, как два клоуна, пошли и тупо засветились, не узнав ровным счетом ничего.

Конечно, можно было поспорить, но Ася, покаянно кивнув несколько раз, не стала.

– Говорите, в этот «Вольный ветер»...

– Веселый, – робко поправила Ася.

– Ну, веселый, – согласился Иван. – Туда нужен сотрудник?

– Ну да. – Подтвердил Лебедев. – Могу я! А что? Покопаюсь в их компьютерах. Наверняка что-нибудь нарую.

– Ты уже засветился, – мстительно усмехнулся Иван. – Как работник «Кайроса». Да и какой из тебя продавец путевок?

Лебедев попытался возразить, но Рыбак не дал ему такой возможности.

– Идеально было бы, конечно, послать туда Асю, – задумчиво сказал он. – Но – нет, она тоже засветилась. Мы с Михалычем не подходим – он слишком представительный, а я... Не подхожу, одним словом. Остается...

Тут он выразительно посмотрел на Кристину.

– Кристина Сергеевна тоже очень представительная. И умная, – возмутился Лебедев.

Кристина растерялась:

– Я? А кто будет общаться с клиентами?

– А Михалыч на что? – Рыбак сунул остаток пряника в рот и довольно потер руки. – Хотели играть в детективов – получайте.

– Я думаю, пару дней смогу продержаться, – Тимур пожал плечами. – Ты же не навсегда туда идешь. Полдня, максимум день для сбора информации и подключения Федора к сети «Плазы».

– Хорошо, – согласилась Кристина. – Тогда я с утра в «Веселый ветер», Иван с Асей – в рейд, ты с клиентами, Федор бороздит интернет в поисках родственников Киры Ермолаевой. Надеюсь, Щедрый сегодня какую-нибудь информацию подкинет. Судя по рассказу Наташи Осиповой, живут они не очень далеко. Если что, Иван с Асей поедут в командировку...

– Подождите! – возмутился Лебедев. – Кристина Сергеевна, значит, в «Плазу», Ася с Иваном Станиславовичем в командировку. А я? Я что буду делать? Это моя идея! Я придумал! И теперь остаюсь в офисе?

– Ты будешь самым главным, – сказала Кристина. – Координатором расследования. Согласен?

Федор скривил губы, мысленно примеряя на себя звание координатора. Нет – Координатора. Так-то лучше.

Глава 7

Рабочий день давно закончился, от затянувшегося «Морского боя» у Ивана слезились глаза, но, похоже, домой, кроме него, никто не собирался. Гипнотизировала взглядом монитор Кристина, с непроницаемым лицом шуршал страницами какого-то толстого журнала на английском Тимур. Ася и Лебедев что-то писали каждый за своим столом, только Ася задумчиво, прямо-таки медитативно, едва касалась клавиш, словно стихи сочиняла, а Лебедев – агрессивно барабанил по клавиатуре со скоростью штурмовой винтовки. Судя по унылому выражению лица, пока ничего путного настрелять ему не удалось.

«Хоть бы Щедрый позвонил, рассказал, что да как, – с досадой подумал Рыбак. – Забыть он, ясное дело, не мог. Скорее всего, очередной аврал. Ладно, есть у нас запасные варианты. Сейчас я покажу нашим детективам, как работают профессионалы». И, покопавшись в телефонной книжке, он написал бывшему коллеге, капитану полиции Сергею Новоселову, смс следующего содержания: «Привет! Дело жизни и смерти! Кира Ермолаева. Нужна любая информация по вашему ведомству. С меня пиво!» Иван перечитал сообщение. Ася бы наверняка придралась к фразе насчет жизни и смерти, но в целом вполне убедительно. И Рыбак нажал на стрелочку, отправляя сообщение адресату.

То ли Новоселов, как и Щедрый, был занят, то ли где-то что-то отмечал, то ли просто не горел желанием помогать старому приятелю, но с момента, когда телефон, пронзительно пискнув, подтвердил доставку сообщения адресату, прошло уже сорок минут, а ответа все не было. Иван уже решился рискнуть и предложить Асе отправиться домой, как его телефон завибрировал.

– Слушаю, Рыбак! – не в силах скрыть охватившее его возбуждение закричал Иван и тут же почувствовал на себе вопросительные взгляды коллег.

Ну нет, так просто он им не откроет свои козыри. Пусть Лебедев строит из себя великого координатора, но реально командовать парадом будет он, Иван.

– Минутку, – сказал он в трубку и под недоумевающий звон колокольчика над дверью стремительно вышел на улицу.

– Кто тебе эта Ермолаева? – первым делом поинтересовался Новоселов, и по тону, которым был задан вопрос, Рыбак понял – информация, причем интересная, у того есть, но просто так делиться он не собирается.

– Да так, клиентка, – уклончиво ответил Иван.

– Кли-е-е-нтка? – насмешливо передразнил его Новоселов. – Надеюсь, ты не телохранителем у нее был?

– Серега, не темни! – попытался прервать его ерничанье Иван. – Есть информация – выкладывай. Нет – мне домой пора. Я еще не ужинал.

– Можно подумать, я ужинал. Кстати, кто-то обещал пиво...

– Я, по-моему, от своих слов не отказывался. Рассказывай.

– Ладно, но смотри – ты обещал. Короче, слышал что-нибудь о сумасшедшем таксисте из Славнинска?

– Это который пятерых угробил?

– Да, о нем.

Информация о неизвестном, насмерть сбившем пятерых человек на пустынном шоссе, которого пресса окрестила сумасшедшим таксистом, совсем недавно активно муссировалась в СМИ.

– О нем разве что глухой не слышал. Там, похоже, завалить должны были какого-то местного воротилу, а остальные для ассортимента. Так?

– Похоже. Я сильно в подробности не углублялся. Так что насчет пива?

Прикинув, что после сногшибательной новости, которую он сейчас обрушит на головы коллег, они еще какое-то время потратят на ее обсуждение, Иван решил зря не обнадеживать Новоселова.

– Давай завтра в обед пересечемся. Только я тебе предварительно звякну. Идет?

Жестом триумфатора Иван распахнул офисную дверь. Звон колокольчика прозвучал словно торжественные литавры. Набрав в грудь побольше воздуха, Иван приготовился поделиться полученной информацией, как вдруг Лебедев радостно завершал:

– Иван Станиславович! Я нашел! Нашел! Сумасшедший таксист из Славнинска! Какой-то пьяный или обдолбанный чел угнал машину и пошибал по дороге людей! Как шар в боулинге! В том числе и нашу Ермолаеву! Представляете?

Мысленно помянув маму чересчур находчивого программиста, Иван пошел к своему столу, и тут за его спиной раздался голос Аси:

– Ты знал...

Это был не вопрос, а констатация факта, в которой отчетливо слышалась Аськина обида. Детская такая обида, от которой Иван почувствовал себя последней сволочью, выманившей у ребенка чупа-чупс.

– Серега позвонил, Новоселов, только что. – Иван продемонстрировал Асе телефон. – Подробности он никаких не знает, это же Славнинск. Только фамилию. Может, это и не наша Ермолаева вовсе.

– Наша, – с уверенностью заявил Лебедев. – Программа распознавания нашла. Долго искала, в интернете фотографии Киры нет, так, пара фрагментов. Я вам ссылочку кинул, посмотрите.

Движением мышки Иван разогнал сонно плавающих на заставке рыбок, свернул «Морской бой» и кликнул по присланному Федором сообщению. Местный предприниматель Станислав Федоров, владелец крупной производственной компании, был представлен галереей фотографий. Вот он, мужчина лет сорока, харизматичный, подтянутый, в идеально сидящем костюме, принимает из рук мэра Славнинска очередную грамоту; вот общается в заводском цехе с рабочими, а вот в кругу семьи – с миловидной женщиной, настоящей русской красавицей, и сыном-подростком.

Судя по подписи под фотографией еще двух жертв – мужа и жены Сазоновых, – сделана она была в ЗАГСе во время празднования их золотой свадьбы. Два еще нестарых человека стоят, взявшись за руки, и смотрят друг на друга, в глазах женщины – слезы. Еще одна жертва, Елена Рябцева, – девушка с малиновыми волосами в ярко-красной шубке из неизвестного зверя. И полный контраст Елены – Кира, фотография из паспорта, другой, наверное, найти не удалось; приглушенные краски, застывшее лицо, испуг в глазах.

Машину-убийцу угнали со стоянки возле дома – хозяин предпочитал ездить на работу общественным транспортом, – а затем бросили в районе мусорного полигона. Никаких следов, проливающих свет на личность злоумышленника (или злоумышленников), обнаружить не удалось. Ведется следствие.

– И что ты об этом думаешь? – спросила Ася, увидев, что Рыбак закончил чтение.

– А что тут думать – явно Федорова хотели завалить. Конкуренты, родня – наверняка враги или завистники у него имелись.

– У пенсионеров, может быть, тоже родня имелась, – заметил Лебедев. – Устали ждать наследство.

– Вот-вот! – поддержала его Ася. – У Ермолаевой тоже было какое-то наследство.

– Наследство, не наследство... Какая разница! – пожал плечами Рыбак. – В любом случае это не наше дело.

– Как не наше? – возмутилась Ася.

– Да, да! – поддакнул Лебедев. – Мы же собрались расследовать Ермолаеву! Правда, Кристина Сергеевна?

– До Славнинска от нас три часа лету, значит, по пятницам Кира ездила не туда. Просто не успела бы за один день добраться, встретиться с кем нужно и вернуться, – не дав Кристине ответить, сказал Рыбак. – Вы хотели искать ребенка? Так давайте оставим сумасшедшего таксиста товарищам из Славнинска. Впрочем, я сомневаюсь, что он сумасшедший, да и в то, что пьяный, верится с трудом. Уж очень чисто все проделано. Угнать машину и ни разу не попасться на камеру – чувствуется рука профессионала. Хотя профессионал вряд ли стал бы валить столько лишнего народа. Остается посочувствовать коллегам из Славнинска. Дело пахнет самым что ни на есть настоящим глухарем.

Ася собралась возразить, но тут колокольчик над входной дверью залился радостной трелью, возвещая появление майора Щедрого.

– А мы уже все знаем! – приветствовал его Лебедев. Получилось не совсем вежливо, за что страдающий отсутствием такта программист удостоился грозного взгляда Кристины.

– И даже что я принес вам к чаю? – интригующим тоном поинтересовался Щедрый.

– Выкладывай, – коротко скомандовала Кристина.

– Как я понял из приветственного спича нашего талантливого коллеги, историю о сумасшедшем таксисте вы уже раскопали.

– Раскопали, – согласилась Кристина.

– Молодцы, – Щедрый удобно устроился на любимом стуле возле ее стола, не торопясь расстегнул замки своего раритетного кожаного портфеля и запустил в него руку.

– Не томи, Геннадьич, – недовольно попросил Рыбак. – Ночь на дворе, всем пора по домам, баиньки.

– Баиньки так баиньки, – согласился Щедрый. Его рука вынырнула из портфеля, клацнули замки. – Я вообще-то за тобой приехал, – сообщил майор Кристине. – Негоже тебе одной домой добираться. Вдруг кто опять колеса порежет.

– Подожди, – опешила Кристина. – Я что-то не поняла, что ты имеешь в виду.

Только тут до майора дошло, что последняя его фраза звучит как-то уж слишком двусмысленно.

– Не подумайте ничего плохого, – смутившись, сказал он, обращаясь ко всем присутствующим, снова клацнул замками и вынул большой бумажный пакет. С одного бока он оказался изрядно промасленным, и Щедрый сокрушенно цокнул языком. – Ёлы-палы!

Он заглянул в портфель, убедился, что его содержимое не пострадало, и продолжил:

– Мы сейчас попьем чаю с пирожками редкой вкусноты. Во всем городе только в одном месте такие можно купить. Так вот, попьем и поедем. Доведем тебя до точки, а потом я поеду домой.

– Подожди, ты же на Красной горке живешь. Тебе от меня почти час добираться, – возразила Кристина.

– Да ладно – час! Вечером можно минут за сорок. Ну – сорок пять в худшем случае.

Тут взоры всех присутствующих, в том числе и Кристины, обратились к Тимур в ожидании его ответного слова.

– Не стоит, – сказал он, медленно вставая со своего рабочего места. – Кофе, чай – это легко, а Кристину я и сам могу отвезти.

Он медленно подошел к столу с чайно-кофейными принадлежностями, включил чайник и кофемашину.

– Устраивает такой вариант?

Вопрос был обращен к Кристине, но Щедрый поспешил ответить:

– Тебе тоже не по пути.

«Опять начинается история про волка, козу и капусту», – подумала Кристина.

Тимур то ли прочел ее мысли, то ли подумал о том же самом.

– Предлагаю такой вариант: ты выкладываешь все, что тебе известно о происшествии в Славнинске, попутно мы пьем чай и кофе, а потом все, за исключением Аси и Ивана, загружаем в мою машину, и я развожу вас по домам. Поработаю сегодня таксистом. Устраивает?

Если майора такой вариант и не очень устраивал, то вида он не подал. А может, у него имелись какие-то свои соображения на этот счет. Доверив пирожки Асе, он вытащил из портфеля несколько листов бумаги и разложил их на Кристинином столе.

– Итак, Славнинск, – начал он. – Пятнадцатого июня, в один час тридцать семь минут, на единый номер вызова экстренных служб поступил звонок от Никифорова Андрея Ивановича. Он сообщил, что на Приморской трассе в районе перехода им обнаружены два труп. Пока оператор расспрашивал звонившего о деталях его страшной находки, наряд полиции уже выехал по указанному адресу. Ехали они со стороны центра, – тут Щедрый взял один лист, на котором была изображена карта: полукруг трассы с четырьмя крестиками, два почти рядом и еще два – на некотором удалении. – Вот отсюда, – майор показал направление движения машины. – Согласно данным, сообщенным Никифоровым, трупы он обнаружил вот здесь, – майор ткнул пальцем в дальний крестик. – Возле единственного на этом участке наземного пешеходного перехода. Однако тело – одно тело – они обнаружили вот здесь, – палец указал на первый крестик с противоположной стороны. – Мужчина лет сорока в спортивном костюме.

– Федоров, – сказал Рыбак.

– Да, Федоров, – подтвердил Щедрый. – Но это стало известно гораздо позже, а в тот момент никто не смог заподозрить тело, одетое в неприятные треники, поверх которых красовались трусы со светоотражающими полосками, в принадлежности известному в городе предпринимателю. Тем более что кроссовочки топового бренда в момент удара с него слетели. А они, между прочим, стоят как Ванина машина.

– Да ладно, – возмутился Рыбак, – скажешь тоже. Таких не бывает.

– А вот и бывают! – тут же взвился Лебедев. – Я читал, что в прошлом году пара редких беговых кроссовок Nike, выпущенных в начале 1970-х годов, была продана на аукционе Sotheby's за 437 500 долларов. Ваша, Иван Станиславович, машинка ненамного моложе их. За сколько, как вы считаете, ее можно продать?

– Я друзьями не торгую, – отрезал Иван.

Лебедев открыл рот, чтобы выдать очередную колкость, но Ася строго шикнула на него, не дав развить тему.

– Я продолжу? – Щедрый вопросительно посмотрел на Кристину. Она кивнула. – Сообщив координаты находки дежурному, машина проследовала дальше, и в пятистах метрах от Федорова было обнаружено еще одно тело.

– Ермолаевой? – подсказал Федор, который во время рассказа Щедрого стриг ушами, словно нетерпеливый жеребенок.

– Нет, – покачал головой Щедрый, – это была Елена Рябцева. Алая шубка, под которой кроме черного белья ничего не было, позволяла сделать вывод о характере работы девушки. Ермолаева была обнаружена на расстоянии около двухсот метров от Рябцевой, а посему обе девушки обозначены на карте одним крестиком.

Щедрый шумно отхлебнул из принесенной Асей чашки.

– Это чай?

– Вечер же, кофе вроде бы как... – оправдывающимся тоном начала она.

– Как я понимаю, – задумчиво произнес Рыбак, – планировалось убраться именно Федорова, а всем остальным просто «посчастливилось» оказаться не в том месте и не в то время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.